

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

2.1 Национальная экономическая ментальность как институт

Связь между экономической теорией и хозяйственным поведением индивидов и домохозяйств кажется достаточно однозначной: теория обобщает универсальные принципы рационального поведения и становится, в свою очередь, методологической основой для разработки экономической политики отдельных фирм и государства в целом. Однако в странах примерно равного уровня развития и хозяйственное поведение людей, и структуры бизнеса, и экономическая политика редко одинаковы – каждая страна ищет и находит свои варианты решения универсальных проблем. Экономическая теория определяет спектр возможных решений. Но какие именно из них целесообразно выбрать в каждом конкретном случае, трудно решить без углубленного изучения настоящего и прошлого каждой отдельно взятой страны, ее потенциала, ее социальных стереотипов, а в более общем смысле – без анализа ее национальной экономической ментальности. Именно национальная экономическая ментальность является основополагающим элементом хорошо известного неинституционалистам феномена *path dependency* – зависимости от предшествующего развития.

2.1.1 Содержание и структура национальной экономической ментальности

В целом можно вести речь о присутствии в сознании человека некоего стержня, который может при разных внешних условиях выступать в разных обликах, но при всем при этом он является единым для всего сообщества, к которому принадлежит данный индивид, и служит как бы его внутрикультурным интегратором. *Менталитет (ментальность)* как характеристика психологической жизни людей является *системой взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающейся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающей вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей*, а значит и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие эту общность от других.

Каждая социальная группа имеет свои ментальные особенности. Сколько существует типов социальной стратификации, столько существует и видов ментальности. Каждый индивид, поскольку он одновременно входит в несколько социальных групп, является носителем разных видов ментальности – этнической, классовой, гендерной, конфессиональной и т.д. Поскольку предметом изучения в нашей монографии является специфика экономического развития России, то из различных видов ментальности нас должна интересовать в первую очередь национальная хозяйственная ментальность (национальная хозяйственная культура).

Национальная ментальность – это *социально-психологическое состояние этнического сообщества (нации, народности, народа), отражающее результаты длительного и устойчивого воздействия естественно-географических и социально-экономических условий формирования и развития этого сообщества*¹. Национальный менталитет отражает в себе историю нации и не может оторваться, уйти от тех базовых ценностей, морали, норм, которые его формировали. С другой стороны, сформировавшийся менталитет теперь уже сам организует энергию членов общества и, таким образом, побуждает их поступать так, как они должны, испытывая удовлетворение от своих действий, соответствующих требованиям культуры. Теперь уже национальная ментальность во многом определяет пути в будущее, определяет характер развития, те формы, орудия и способы деятельности, которые адекватны потребностям национальной культуры. Качественное изменение преобладающих в национальном менталитете ценностей и стереотипов нормативного поведения – процесс длительный и чрезвычайно болезненный, особенно если это происходит под воздействием насильственных факторов.

Национальная ментальность влияет на все сферы жизни общества, в том числе и на хозяйственную деятельность. *Особенности экономических ценностей и норм поведения, характерные в той или иной степени для всех представителей какой-либо этнической группы, характеризуют ее национальную экономическую ментальность*. Влияние национальной экономической ментальности на хозяйственное развитие современной России (как, впрочем, и любой другой страны) выглядит в самом общем виде так (*рис. 2.1*): национальная экономическая ментальность (основополагающий неформальный институт) формируется под влиянием объективных условий жизни нации и определяет характер социально-экономических норм (формальных институтов), которые, в свою очередь, формируют историческую траекторию хозяйственного развития нации.

¹ См.: Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социол. исслед. 1996. №5. С. 94.

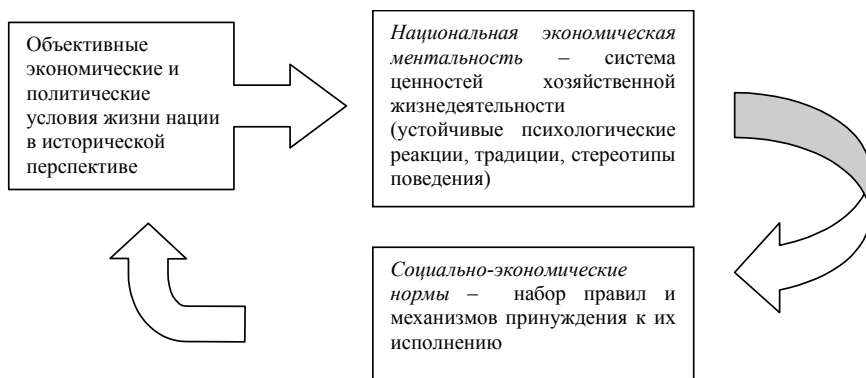


Рис. 2.1. Влияние ментальности на становление экономических институтов

По поводу структуры национальной экономической ментальности какой-либо относительно общепризнанной концепции еще нет. Мы предлагаем считать основными элементами национальной экономической ментальности (или национальной хозяйственной культуры) стереотипы потребления, нормы и образцы социального взаимодействия, организационные формы хозяйственной жизнедеятельности, ценностно-мотивационное отношение к труду и к богатству, степень восприимчивости к зарубежному опыту (рис. 2.2)².

Экономисты считают главным принципом рациональной экономической жизнедеятельности *максимизирующее поведение*: принимая ответственные решения, индивид (или коллектив) стремится либо максимизировать свою выгоду от использования ограниченных ресурсов, либо минимизировать затраты ресурсов при достижении необходимого результата. Следует помнить, что для человека всегда важно не только быть богатым (иметь много потребительских благ), но и "сохранять свое лицо" в глазах окружающих. Поэтому максимизирующее поведение предполагает максимизацию как дохода, так и престижа. Различия в хозяйственной культуре ведут к различиям и в максимизирующем поведении.

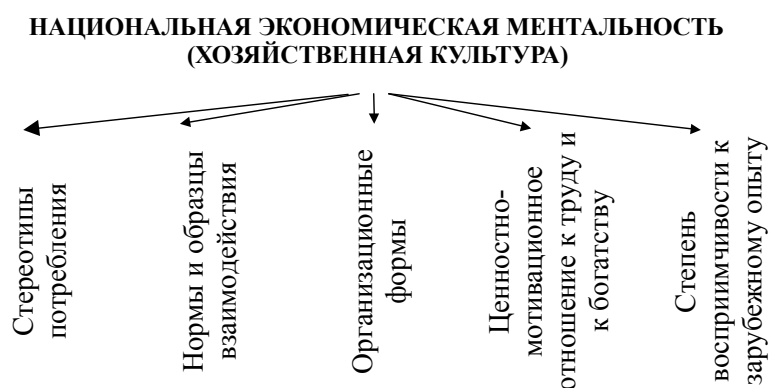


Рис. 2.2. Основные элементы национальной экономической ментальности (хозяйственной культуры)

Охарактеризуем подробнее основные элементы национальной экономической системы (хозяйственной культуры) и проиллюстрируем их примерами, показывающими степень вариативности этих институциональных характеристик.

Стереотипы потребления. Представления о нормальном потребительском бюджете и о желательных тенденциях его изменения могут варьироваться у разных народов в очень широких пределах. На одном полюсе — психология престижного потребления, характерная, например, для американского образа жизни, где принято обновлять потребительские блага (одежду, машины и т.д.) исключительно по мере того, как товары выходят из моды. Испытывающий постоянный "потребительский голод" средний американец стремится выглядеть богаче, чем он есть на самом деле. На противоположном полюсе — психология прожиточного минимума, характерная, в особенности, для отсталых народов Африки. В этом случае объем потребительских благ, необходимых для человека, традиционен и мало подвижен. Обеспечив свои минимальные потребности, работник теряет интерес к увеличению доходов.

Максимизирующее поведение наблюдается в обоих случаях, но результаты будут принципиально разными. Американец считает полезным обеспечить себе максимально возможный доход, который будет использован для покупки престижных новинок; африканец сочтет полезным сокращать рабочее время, необходимое

² Этот перечень не является исчерпывающим и его можно дополнить другими компонентами (например, склонностью к риску или избеганием его), которые, однако, мы считаем более второстепенными.

для обеспечения стандартного потребительского набора. Разные стереотипы потребления обуславливают и разные подходы к производству: либо — больше работать и больше получать, либо — работать как можно меньше, обеспечивая стандартные потребности.

Нормы и образцы взаимодействия хозяйствующих субъектов. Люди по-разному относятся к своим партнерам по производственному процессу. Для просвещенного современника естественна мысль о том, что люди изначально равны, что человек ценен не тем, какой он расы, национальности, фамилии и т. д., а своими собственными деловыми качествами. Однако даже в настоящее время общение людей как равного с равным отнюдь не является общепринятым, а в доиндустриальных экономических системах дискриминация — деление людей на "своих" и "чужих" — вообще была общим правилом. Крайним примером дискриминирующей практики является кастовая система, до сих пор сохранившаяся в южно-азиатском регионе. Здесь человек от рождения принадлежал к определенной касте и был обречен всю жизнь выполнять строго заданные профессиональные обязанности. Даже сейчас государственная бюрократия в Индии представлена в основном выходцами из высших (аристократических) каст, буржуазия — представителями средних (торговых) каст, а рабочий класс — лицами из низших (трудовых) каст. Дискриминация имеет место и в современных более развитых обществах: "белый" расизм в США, гонения на иностранных рабочих в Западной Европе, землячество и кумовство в нашей стране и т.д. Во всех подобных случаях на максимизирующее поведение и дискриминаторов, и дискриминируемых налагаются дополнительные ограничения.

Относительно независимо от расовой или национальной дискриминации в любом обществе существуют некоторые общепринятые представления о дистанции между руководителями и подчиненными. "Подобострастие" подчиненного перед начальником и авторитаризм начальника в отношении подчиненных — цивилизованное проявление все того же древнего стереотипа о неравенстве "своих" и "чужих".

Организационные формы. Хозяйственное поведение людей в огромной степени зависит от того, каковы общепринятые стереотипы взаимоотношений общества и индивида. Именно организационные формы существования хозяйственной культуры задают те формы организации труда, взаимоотношений государства и бизнеса, которые считаются нормальными, которых индивид обязан придерживаться, если он не желает испытывать общественного осуждения. Главным стереотипом, касающимся организационных форм, является склонность к самостоятельной, индивидуальной, или групповой, коллективной деятельности. В любом обществе, конечно, обязательно представлены одновременно и индивидуалистические, и коллективистские ценности, но их пропорции могут быть очень разными.

Например, американский образ жизни в высшей степени индивидуалистичен, человек здесь нацелен на максимальную самореализацию. Всюду (в том числе и в бизнесе) царит культ "звезд" — выдающихся личностей, которые поднялись на вершину общественной пирамиды из самых низов. Общество признает право талантливому индивиду "идти по жизни, расталкивая окружающих", если не нарушены законы. Главным регулятором хозяйственной деятельности считается не прямое государственное вмешательство в экономику, а судебнo-законодательный механизм. В Западной Европе, напротив, индивидуалистические и коллективистские ценности более сбалансированы. Широкой популярностью пользуются идеи о социально ответственном бизнесе и о социальном рыночном хозяйстве. В регламентации хозяйственной деятельности велика роль государственной бюрократии, выступающей от имени общества в целом. За индивидом в принципе признается право на самостоятельное и независимое поведение, но в более узких рамках, чем в Америке. Наконец, в японской хозяйственной культуре ясно видно преобладание коллективистских ценностей. Личность здесь подчинена группе, противопоставление коллективу строго осуждается. Поэтому японцы лидируют в тех видах экономической деятельности, где необходим слаженный, кооперированный труд, но проигрывают, когда речь идет о принципиально новых разработках. Доминирование коллективистских ценностей создает атмосферу неформального поиска компромиссов, характерную и для взаимоотношений государственных чиновников с бизнесменами.

Трудовая этика. Важнейшим и одновременно наиболее легко фиксируемым компонентом хозяйственной культуры является ценностно-мотивационное отношение к труду и к богатству (как к результату труда). Труд может трактоваться и как унижающее занятие, и как единственно возможный путь самореализации человека. Соответственно, в одном случае труд выступает лишь как средство достижения цели, в другом же — как одна из целей жизнедеятельности нормального человека. Поэтому и желание "отсидеться" на рабочем месте, и "трудоголизм" могут рассматриваться как разные варианты максимизирующего поведения.

Заработанное трудом богатство также может и приветствоваться, и осуждаться. В США, например, богатство есть своего рода национальный идол: при знакомстве с неизвестным человеком здесь часто интересуются "сколько он стоит", делая отсюда выводы о его ценности как личности. Если в Америке богатство фетишизируется, то в Западной Европе отношение к нему гораздо более сдержанное. Естественно, что преклонение перед богатством или его осуждение не могут не влиять на максимизирующее поведение индивида, подстегивая его или ограничивая.

Степень восприимчивости к зарубежному опыту. Успех или провал национального экономического развития во многом зависит от того, как национальная хозяйственная культура реагирует на передовой зарубежный опыт — отторгает его, творчески воспринимает или механически копирует.

"Японское чудо" во многом обусловлено именно открытостью японцев перед зарубежными новшествами, умением сочетать "западную технику и японский дух". Малоизвестно, что такие характерные особенно-

сти современного японского бизнеса, как "кружки качества" и система пожизненного найма, утвердились совсем недавно: они были внедрены вскоре после второй мировой войны по рекомендациям экономических советников — "левых" экономистов из США. Однако эти "заморские новшества" быстро стали органическим элементом экономики Японии, и сейчас уже предприниматели других стран (в т. ч. и из США) внимательно изучают японский опыт, желая его заимствовать. В экономической истории России лучше прослеживается чередование попыток копировать западный опыт и его отторгать. Только в XX в. наша страна пережила столыпинский опыт насаждения фермерства при ущемлении общины, затем большевистскую попытку построить экономику принципиально нового типа и, наконец, современные эксперименты по созданию "дикого" капитализма на американский манер. Характерно, что и акцентирование национальной "самости", и натужное желание стать "как все цивилизованные страны" не приводят к устойчивым экономическим успехам.

Таковы основные слагаемые системы национальной экономической ментальности, обыденного экономического мышления.

Рассмотрим теперь, каков уровень развития научных знаний о специфике экономической ментальности людей, сформированных российской культурой.

2.1.2 Эволюция этнологических воззрений в России и во всем мире

Специфический "национальный менталитет" россиян и его трудно предсказуемое влияние на экономическое развитие нашей страны упоминаются в научной и, особенно, в публицистической литературе настолько часто, что любой готов воскликнуть: "Да кто же этого не знает!". Но при всей тривиальности самого факта наличия у россиян (как и у любой иной нации) особого менталитета, его научный анализ и, тем более, эмпирическая проверка до сих пор остаются для России проблемой номер один.

Как это ни парадоксально, но в России практически не было и нет до сих пор признанных ученых, специализировавшихся на изучении российской экономической ментальности, хотя научной и околонаучной публицистики (часто, весьма талантливой) о "таинственной русской душе" — более чем достаточно. Целостная отечественная школа, занимающаяся изучением всевозможных аспектов национального характера и менталитета, так до сих пор и не сложилась. То, что есть в нашем распоряжении, — это отдельные фрагменты (часто относящиеся к абсолютно разным наукам), пока еще не сложившиеся в сколько-нибудь цельную картину. Попытаемся их систематизировать, насколько это возможно.

В отечественных попытках изучения национальной ментальности можно выделить три этапа: дореволюционный; советский "доперестроечный"; "перестроечный" (советский и постсоветский). Рассмотрим их на фоне мирового развития этнологических исследований³.

Два первых этапа — это предыстория, попытки изучения русского национального характера практически безотносительно к экономике в каких бы то ни было ее проявлениях. С самого начала этнопсихологическая проблематика была близка как российским ученым, так и русским писателям. В соответствии с этим в России сформировались и два подхода к изучению этнонациональной проблематики: сторонники первого занимались конкретным анализом демографических, трудовых, культурных и даже политических особенностей этноса (психологическая этнография), второй же представлял из себя нечто литературно-poleмичное, с вольными допущениями и смелыми гиперболами, концентрировавшееся на "загадках русской души" и "особом пути" Российского государства (этнопсихологические исследования философов "серебряного века").

В рамках первого, собственно научного подхода в России задолго до разработки зарубежными этнопсихологами концепции психологии народа (Г. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт, А. Фульье⁴) были сформулированы теоретические этнопсихологические концепции и впервые в мире проведены прикладные исследования национально-психологических особенностей ряда народов. Эта прогрессивная деятельность связана с функционированием Русского географического общества, члены которого (Н. Д. Надеждин, К. Д. Кавелин и В. К. Бэр⁵) уже в 40-50-х годах XIX века предприняли попытки создать концептуальную модель российской этнопсихологии. Они полагали, что задача "психологии народов" — установление общих законов психической жизни на основе сравнения однородных явлений и продуктов духовной жизни у разных народов и у одного и

³ С историей развития этнологических исследований (хотя и не в полном виде) можно ознакомиться по следующим изданиям: Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию СПб.: Издательский дом «П. Э. Т.» при участии издательства «Алетейя», 1996; Саракуев Э. В., Крысько В. Г. Введение в этнопсихологию. Учебно-методическое пособие для студентов. М.: Институт практической психологии, 1996. Гл. II. С. 25 — 47; Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. Часть вторая. С. 45 — 100.

⁴ У истоков официальной этнопсихологии стояли немецкие лингвисты М. Лацарус и Г. Штейнталь, провозгласившие рождение науки о «народном духе» началом издания в 1859 году журнала «Психология народов и языкознание». В своей программной статье «Вводные рассуждения о психологии народов» они сформулировали мысль о том, что главная сила истории — народ, или «дух целого», который выражает себя в искусстве, религии, языке, мифах, обычаях и т. д. Индивидуальное же сознание есть лишь его продукт, звено некоторой психической связи. Отсюда задача социальной психологии — познать психологически сущность духа народа, открыть законы, по которым протекает духовная деятельность народа. См.: Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912; Фульье А. Психология французского народа. СПб.: Ф. Павленков, 1899; Фульье А. Психология русского народа // Вестник воспитания. 1905. № 4. Разд. 1. С. 85 — 99.

⁵ Надеждин Н. Н. Об этнографическом изучении русского народа // Записки Русского Географического Общества. Кн. 2. СПб., 1847; Стефаненко Т. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. С. 50 — 52.

на основе сравнения однородных явлений и продуктов духовной жизни у разных народов и у одного и того же народа в разные эпохи его исторической жизни. К сожалению, в научных дебатах⁶ это направление потерпело поражение, и вместе с этой неудачей потерпела неудачу и первая попытка создания научной этнопсихологии в России.

Собственно научное направление российских этноисследований на долгие годы заглохло, зато в трудах русских философов конца XIX – начала XX веков широкое развитие получило литературно-полюемичное направление. Именно они первыми в истории отечественной мысли дали целостное философско-социологическое, культурно-историческое и национально-психологическое осмысление феномена российской этнической общности. В целом работа, проделанная ими (Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским, С. Н. Булгаковым, Б. П. Вышеславцевым, И. А. Ильиным, Г. Г. Шпетом)⁷, больше напоминает скрупулезное (с присущим русским людям самокопанием и самобичеванием) изучение самих себя как типичных представителей русской интеллигенции "серебряного века", а не окружающей их социальной действительности. Тем не менее именно этими мыслителями впервые высказывается мысль о том, что для хозяйственного сближения различных стран необходимо знание национальных особенностей каждой из сторон.

Сравнивая этот этап с аналогичным периодом за рубежом, Т. Стефаненко отмечает: "Идеи Лацаруса и Штейнтала, Кавелина, Вундта, Шпета в большинстве случаев остались на уровне голых объяснительных схем, а их концептуальные модели не были реализованы в конкретных психологических исследованиях"⁸. На наш взгляд, если это утверждение и верно, то с очень большой натяжкой. Если за рубежом именно теоретические разработки инициировали рождение этнопсихологии, то в России явно лидировала практика (в случае с философами – псевдопрактика). Не впадая в национальную гордыню (насчет "России – родины слонов"), следует все же отметить, что, на наш взгляд, этот этап содержал в себе и содержит до сих пор очень большой потенциал (по крайней мере, больший, чем был на тот период у зарубежных исследователей). Но... К сожалению, в науку часто вторгается идеология, а когда это происходит, объективность отходит на второй план, а чаще всего и вообще пропадает. В СССР любое исследование этнокультурных различий стало восприниматься как потенциально опасное вне зависимости от его целей и выводов.

Таким образом, в период с 1930-х по 1980-е гг. "связь времен" распалась: идеи русских философов "серебряного века" подверглись политическому остракизму, сами этноисследования оказались почти запрещенными и могли развиваться только "попутно", на "обочине" каких-то других наук – истории, как у Б.Н. Поршнева и Л.Н. Гумилева⁹, или психологии, как у К. Касьяновой и И. С. Кона¹⁰, но никак не в рамках экономики или социологии. При этом, если "диссидентские" концепции Л. Н. Гумилева и К. Касьяновой являются вполне оригинальными, в чем-то даже близкими по духу и самобытности к работам русских философов начала века, то у более "официальных" Б. Н. Поршнева и И. С. Кона мы не найдем почти ничего принципиально нового, что бы еще не обсуждалось ранее на Западе (их работы представляют собой, в сущности, скрупулезное, точное, систематизированное изложение точек зрения зарубежных исследователей). Следует с сожалением признать, что второй этап изучения в России проблем, связанных с национальной ментальностью, не отличался особой оригинальностью. Явным отрицательным следствием слабости этнопсихологической теории стало то, что прикладные исследования, связанные с этой проблематикой, появились в нашей стране еще лет 10-20 спустя, во время третьего периода, в то время как на Западе теория и практика шли бок о бок.

Пока в советских этноисследованиях царил застой, за рубежом "утекло много воды". В 1950-е гг. прошла первая волна теоретических дебатов, в ходе которых объектом исследований становился уже не сам факт существования национального характера, а детальный "портрет" ментальности (в том числе и экономической) различных наций. Начиная с 1960-х гг. начались массовые сравнительные исследования разных культур – называем хотя бы такие классические, как психологическое измерение культур

⁶ Сеченов И. М. Замечания на книгу г. Кавелина «Задачи психологии» // Избранные философские и психологические произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947.

⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992; Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения М.: ЭКСМО – Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999; Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957; Булгаков С. Н. Нация и человечество // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2; Булгаков С. Н. Расизм и христианство // С.Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902 – 1942. – М.: Наука, 1997; Булгаков С. Н. Человечество против человекобожия // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902 – 1942. М.: Наука, 1997; Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Сочинения. Т. 2; Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6; Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1; Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т.1; Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996; и др.

⁸ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. С. 58.

⁹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966; Поршнев Б.Ф. Принципы социально-этнической психологии. М., 1964; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Гидрометеиздат, 1990; Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.

¹⁰ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) // Кон И.С. Социологическая психология. М. – Воронеж, 1999; Кон И. С. К проблеме национального характера // Кон И. С. Социологическая психология. М. – Воронеж, 1999; Кон И. Эпоху не выбирают // Социологический журнал. 1994. № 2.

Г. Хофстеда¹¹, изучение культурных синдромов Х. Триандисом¹², моделирование организации типа "Z" У. Оучи¹³, каталогизация деловых культур в международном бизнесе Р. Льюисом¹⁴. Науки об обществе становятся точными науками, опирающимися не на субъективные "озарения" гениев, а на данные конкретных исследований¹⁵. Именно теперь изучение экономической ментальности получает возможность стать научным в собственном смысле этого слова, но пока эти процессы обходили советскую Россию стороной.

Такая ситуация сохранялась вплоть до 1990-х гг. – до третьего выделенного нами периода. Только теперь начинается процесс сближения российской научной мысли с зарубежной с точки зрения применения методологического аппарата. В этот период появляются публикации о результатах первых, еще очень робких и "сырых" попыток эмпирических исследований, затрагивающих этнопсихологическую проблематику. "Русские (этносоциологические очерки)" и "Советский простой человек"¹⁶ оказались монографиями в целом очень слабыми, и с теоретической, и с методологической точки зрения. Общее впечатление от этих работ, увы, негативное – налицо поверхностная констатация фактов (подтверждаемая, правда, в большинстве случаев цифрами) без их концептуального осмысления. Стиль изложения материала и подача данных навевают мысль о том, что эти публикации упустили свой исторический момент. К тому же обе монографии вышли в свет с таким большим временным разрывом между сбором данных и их публикацией, что, учитывая темпы изменений, нахлынувших на постперестроечную Россию, они морально устарели еще до своего рождения. И только с появлением работ В.С. Агеева, З.В. Сикевич, П. Шихирева, М.В. Грачева, А. Наумова и ряда других изучение российского национального характера приобретает западную методологию¹⁷, становится все более и более научным и доказуемым.

С начала 1970-х гг. начинают появляться работы В.С. Агеева. Вначале это были просто отдельные конкретные наработки, публикуемые в разных журналах, но уже к 1990 году они были объединены в единую работу "Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы"¹⁸. Эта работа обращает на себя внимание цельностью подхода (единство теории и практики, освещение зарубежной науки и собственные эмпирические исследования) и прекрасным методологическим аппаратом (описание ряда возможных методик и использование очень нестандартного психосемантического метода). К сожалению, несмотря на то, что В. Агеев

¹¹ Исследование проводилось Г. Хофстедом по четырем показателям: PDI (Power Distance) – дистанция по отношению к власти; UAI (Uncertainty Avoidance) – стремление избежать неопределенности; IDV (Individualism) – индивидуализм; MAS (Masculinity) – мужественность. См.: Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related values. Beverly Hills, L., 1980; Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994; Hofstede G. Cultural Constrains in Management Theories. Academy of Management Executive. 1993. Vol. 7. № 1; Федотова В.Г. Компаративистика как метод анализа истории культуры // Очерки по истории мировой культуры. Учебное пособие. Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 481 – 484.

¹² Культурный синдром – определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой. Х. Триандис выделяет трех культурных синдромов: простота/сложность, индивидуализм / коллективизм, открытость/закрытость. См.: Triandis H.C. Psychology and culture // Annual Review of Psychology. 1973. V. 24; Triandis H.C. Culture and social behaviour. N. Y., 1994.

¹³ В основе проведенного У. Оучи исследования лежат семь переменных организационной культуры: обязательства организации по отношению к своим членам; оценка выполнения работы; планирование карьеры; система контроля; принятия решений; уровень ответственности; интерес к человеку. Сравнительному изучению были подвергнуты японские, типичные американские компании и американские компании типа «Z» (соединение японской и американской деловой организации). См.: Ouchi W. Theory «Z»: How American business can meet the Japanese challenge. Reading, Ma.: Addison-Wesley, 1981.

¹⁴ Р.Д. Льюис классифицирует культуры на три группы: моноактивные культуры – культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в данный момент; полиактивные культуры – подвижные, общительные народы, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность дел не по расписанию, а по степени относительной привлекательности, значимости того или иного мероприятия в данный момент; реактивные культуры – культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны. См.: Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999.

¹⁵ Разницу между учеными прошлого и нынешнего веков можно проиллюстрировать таким примером. О том, что американцы – это нация индивидуалистическая, а японцы – нация коллективистов, знали еще в XIX в. Однако тогда это знание основывалось на качественных оценках субъективного и приблизительного характера (оценка «на глазок»). В XX в. на основе обработки данных массовых социологических исследований уже рассчитывают «индексы индивидуализма» (см., например, работы Г. Хофстеда), при помощи которых можно количественно определить, насколько велик разрыв по данному признаку между американцами и японцами. См.: Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М.: «Имидж – Контакт», 1997.

¹⁶ Русские (этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992; Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: «Наука», 1993.

¹⁷ Следует подчеркнуть, что отечественная этносоциология сейчас ориентируется именно на Запад (США, Западную Европу), а не на Восток. Если для восточной традиции (например, японской этнологии) характерен примат теории над практикой, то западная традиция имеет ярко выраженный прикладной, инструментальный характер – она занята не столько выяснением причин и глубинной сущности изучаемого явления, сколько поиском способов его практического использования в деловой практике.

¹⁸ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Издательство Московского университета, 1990.

является всеми признанным авторитетом в области стереотипов и межкультурного взаимодействия (что доказывается обязательными ссылками на него в любой работе, затрагивающей эти вопросы), однако после названной монографии каких-либо столь же известных работ у него не появилось. Дело, начатое им с таким энтузиазмом и с такими перспективами, в силу непонятных причин заглохло.

Первым серьезным опытом сравнительного изучения российской экономической ментальности в России стала совместная работа П. Шихирева и американского бизнесмена-практика Р. Андерсона¹⁹. При всей популяризаторской направленности этой совместной работы ей явно удалось избежать тривиальности и заложить фундамент дальнейшим исследованиям в этом направлении. Достоинство их книги заключается в том, что приводится очень много данных по разным зарубежным исследованиям и акцент делается на сравнительный характер представленных данных (Америка/Россия). В то же время эта книга рассчитана именно на ознакомление, но никак не на глубокое освещение этносоциальных проблем.

Одновременно начинаются и массовые исследования этнопсихологической направленности под эгидой лаборатории этнической социологии и психологии Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета (руководитель З. В. Сикевич). Они интересны применением разнообразных методик изучения (правда, явно не новаторских), использованием фольклорного материала, а также ценным иллюстративным материалом (дающим возможность не только привести приводимые выводы, но и предложить свои собственные)²⁰.

В середине 1990-х гг. происходит, наконец, изменение статуса России: постепенно из пассивного объекта исследования она превращается в полноправного участника международных исследовательских проектов. Назовем хотя бы проект GLOBE - "Исследовательскую программу по изучению глобального лидерства и эффективности организационного поведения"²¹. Вместе с подобными кросс-культурными проектами появляется и возможность непредвзятого подхода к изучению российской экономической ментальности, а также ее вписанности в окружающий мир.

Несмотря на тот сдвиг, который наблюдается с начала 1990-х гг., исследования по российской экономической ментальности обречены еще долгое время нести налет ученичества у более "продвинутых" зарубежных авторов: мы все еще продолжаем идти протоптанными тропами, опираясь на общеизвестные за рубежом схемы, не предлагая пока ничего принципиально нового. Качественного прорыва можно, видимо, ждать только после притока в ряды социологов нового поколения исследователей – с незашоренным мышлением и с широкими междисциплинарными интересами²². Пока же замечания о зависимости развития постсоциалистических стран от национальных культурных традиций достаточно часто остаются лишь общей фразой.

Попробуем теперь осуществить первичное обобщение наиболее важных результатов исследований экономической ментальности "этих загадочных русских" и рассмотрим подробнее, какие именно факторы сформировали современную российскую хозяйственную культуру и каковы же ее основные характеристики.

2.2 Факторы, сформировавшие российскую экономическую ментальность²³

Экономическая ментальность россиян 1990-х гг. отражает длительную и трагическую историю нашей страны с XIV – XV вв. (именно это время принято считать началом этногенеза русских – этнического ядра современных россиян) до наших дней. Можно выделить, по крайней мере, четыре группы факторы, которые, накладываясь друг на друга, обуславливают заведомую невозможность развития в России классического, "европейского" капитализма:

- 1) мобилизационно-коммунальная производственная среда – фактор, который действует с самых начальных моментов развития российской цивилизации;
- 2) православная этика – фактор, оказывающий сильное влияние на развитие национальной культуры уже тысячу лет;
- 3) догоняющая модернизация, которая на протяжении трех столетий заставляет российское общество находиться в состоянии постоянной мобилизации;
- 4) советский "эксперимент", под воздействием которого в течение более 70 лет осуществлялось целенаправленное идеологическое воспитание россиян.

Рассмотрим подробнее, какие именно ценности культивировались, а какие, наоборот, выпалывались под воздействием этих факторов.

¹⁹ Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины» (психология и этика российско-американского делового партнерства). М.: «Дело ЛТД», 1994.

²⁰ Сикевич З. В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996; Сикевич З. В. Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996; Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999.

²¹ Грачев М. Менеджмент в «международной системе координат» // Экономические стратегии. 1999. № 2.

²² Наиболее свежим и многообещающим примером новых научных подходов, сочетающих сбор эмпирических данных с их теоретическим обобщением, является исследование ученых Российского независимого института социальных и национальных проблем, проведенное в 1995 – 2000 гг. См.: Россия на рубеже веков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), 2000.

²³ Разделы 2.2.3 и 2.2.4 написаны Е.С. Балабановой, при работе над разделами 2.2.1, 2.2.2 и 2.2.5 использованы некоторые подготовленные ею материалы.

Наиболее стабильным фактором хозяйственной жизнедеятельности любого народа является, конечно, природно-географическая среда (объективные естественные производительные силы). Материально-технологическая среда жизнедеятельности россиян, которые вплоть до середины XX в. оставались в основном крестьянским сообществом, связана прежде всего с особенностями земледельческого производства. Ее следует охарактеризовать как *мобилизационно-коммунальную*, то есть такую, которая создает аритмию производства и требует коллективных усилий под единым руководством.

Естественно-географическим условием развития русского этноса является *короткий производственный цикл*. Северный континентальный климат, короткое и холодное лето заставляют осуществлять базовую, сельскохозяйственную деятельность в режиме не равномерного расходования сил, а импульсной мобилизации. Это значит, что в течение примерно 100 летних дней русский крестьянин трудился на пределе сил, а остальное время года вынужденно оставался свободным. Для сравнения можно отметить, что в Западной Европе срок сельскохозяйственных работ был вдвое длиннее, воспитывая у земледельцев привычку к постоянному размеренному труду²⁴. Влияние подобной хозяйственной аритмии на экономическую ментальность россиян с замечательной лаконичностью отметил еще В.О. Ключевский: "Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии"²⁵.

Следующей природно-географической особенностью, обусловившей специфику российской экономической культуры, является *существование в режиме выживания*: зона неустойчивого земледелия²⁶ оставляла мало возможностей для накопления излишков, а следовательно, для значительного социального расслоения. Кроме того, урожаи были не только низкими, но и в высшей степени нестабильными, зависящими не столько от количества и качества труда, сколько от капризов погоды²⁷. Выживание в условиях высоких жизненных рисков требовало создания сильных перераспределительных механизмов внутри крестьянского социума, которые могли базироваться только на уравнилельных ценностях. Поэтому объективные условия хозяйственной деятельности российских крестьян обусловили длительное сохранение и даже периодическую регенерацию общинных форм организации социально-экономической жизни. Важнейшей характеристикой общинных форм поведения являлась *реципрокация* при помощи многочисленных обычаев уравнилельного перераспределения, таких как потlach (дарения излишков), помочи (совместная трудовая деятельность), "наряды миром", толоки, складчина. Реципрокный характер такого обмена означал, что обмен осуществлялся между равными, а получение помощи накладывало на получателя обязательство немедленно отозваться на призыв оказавшего ему помощь, когда последний будет в ней нуждаться. В основе нормативной базы "моральной экономики" сельской общины²⁸ в России, как и везде, лежали представления о *человеке как принадлежности целого*, коллектива, и о *традиции как высшей ценности* в сравнении с новациями.

Слабая взаимосвязь между личным трудом и уровнем жизни сформировала *фаталистические черты* национального характера ("От сумы да от тюрьмы не зарекайся"), экстернализацию контроля над событиями жизни индивида. Фатализм – это оборотная сторона традиционализма, нежелания менять что-либо собственными усилиями. Фаталистические черты русской культуры прослеживаются даже в языке, в котором четко видны характеристики неагентивности – ощущения того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена. В русском языке люди выступают скорее не как "деятели", а как "претерпеватели"²⁹. Фатализм национального характера обуславливает низкие ранги активно-достижительских ценностей и в современной России, в то время как, по результатам исследований, ранги ценностей, связанных с возможностью не работать, в России значительно выше, чем в западных странах³⁰.

Низкопродуктивное земледелие доиндустриальной России обусловило также слабое развитие городов, которое в доиндустриальных обществах определяется масштабами аграрного прибавочного продукта. В свою очередь, слабое развитие городов, а следовательно, слабое развитие ремесленно-промышленной деятельности, не дали развиваться, в том виде, как это происходило в Западной Европе, "третьему сословию" как социальной базы гражданского общества и ценностей индивидуализма.

²⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 209, 213.

²⁵ Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. Т. I. М., 1956. С. 314.

²⁶ Даже к началу XIX в. средние урожаи зерновых составляли всего порядка сам-3 (Милов Л.В. Ук. соч. С. 189).

²⁷ Милов Л.В. Ук. соч. С. 411.

²⁸ О принципах «моральной экономики», открытых впервые американским ученым Дж. Скоттом в странах Азии, см., например, брошюры А.И. Фурсова: Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. М.: ИНИОН, 1986. С. 41 – 185; Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 2. «Моральный крестьянин» или «рациональный крестьянин»? М.: ИНИОН, 1988.

²⁹ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 100.

³⁰ Магун В. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997. С. 150.

На развитие русской цивилизации неизгладимый отпечаток наложило принятие христианства в его православной разновидности (рис. 2.4) с характерными для него низкими оценками мирского труда, обрядоверием и цезарепапизмом.

Хотя христианская доктрина признает в принципе ценность преобразовательного труда (и тем отличается, например, от буддизма, который видит в земной жизни одно лишь страдание), но сам этот труд рассматривается различными христианскими конфессиями существенно по-разному. В отличие не только от появившихся позднее протестантских вероисповеданий, но и от современного ей католицизма, восточно-христианская религиозная традиция рассматривала труд как неприятную необходимость, наказание человечеству за первородный грех. Русское православие не давало высших духовных санкций для активной работы в миру. Физический труд, производство потребительских благ, заняли в православной культуре подчиненное место по сравнению с трудом духовным, молитвой³¹. Сфера земного, материального благополучия котирировалась не высоко, материальный труд нигде не ставился в один ряд со спасением и терпением. Самоутверждение было направлено внутрь себя, на "устроение" собственной личности³². Подобные факторы обусловили "нерыночность" русского национального характера, преобладание этики выживания, отношение к накопительству и собственности как к отрицательным ценностям³³. Русский праведник стесняется требовать адекватную плату за свой труд, опасаясь проявить жадность, погоню за мелкой и презренной выгодой. Подобный "сверхэкономизм" создает мощные преграды для развития рыночного хозяйства: человек, желающий жить "по совести", предпочитает полунищенский труд "грязному" бизнесу, а предприниматель обречен жить в атмосфере морального вакуума, чувствовать себя иностранцем в собственной стране (подробнее см. 11.2).

"Антиэкономизм" православия обусловил существование бедности как типа культуры. Русской культуре свойственно более терпимое и гуманное, чем на Западе, сочувственное отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, а сама по себе бедность не воспринималась как признак отверженности. Помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина. Нищенство долго не считалось экономическим бременем или девиацией, а материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Таким образом, православное христианство при помощи этических норм закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины.

Другая отличительная особенность русского православия – его сосредоточенность не столько на содержании моральных заповедей, сколько на форме религиозных обрядов. Характерно, что если католические мыслители западноевропейского средневековья упорно занимались систематизацией теологии, сделав ее своего рода "религиозной наукой", то русское православие ничем в этом смысле себя не прославило. Более того, незнание "мудрствований" языческих философов служило объектом своеобразной гордости, проявлением "чистоты" веры. Еще более резок контраст в эпоху нового времени. В то время как западноевропейская Реформация XVI – XVII вв. проходила в яростных дискуссиях о свободе воли, о границах прерогатив духовной и светской власти, в Московии религиозный раскол XVII в. произошел по смехотворному (конечно, с точки зрения европейца) разногласию о том, сколькими пальцами надо креститься и как надлежит произносить имя бога. Подобное обрядоверие подавляло в человеке индивидуальное начало и склонность к новаторскому поиску, развивало вместо личного самоконтроля склонность бездумно следовать за массой, "быть как все".

Таким образом, русское православие культивировало традиционализм российской экономической культуры. "Традиционалистский" строй мышления выражается, в частности, в том, что человек не склонен работать больше, он просто хочет жить так, как привык. Как отмечал еще М. Вебер, при затруднениях традиционалисты не меняют строй жизни, а сокращают потребности³⁴. Это высказывание М. Вебера подтверждается и результатами современных исследований. Так, в провинциальных городах России падение денежных доходов населения в 1990-е гг. не сопровождалось активизацией экономического поведения. Основной реакцией на материальные трудности было и во многом остается не приспособление к рыночной экономике, а бегство от нее³⁵. В отличие от старообрядцев XVII – XVIII вв., убегавших от "никонианских новшеств" на Север и в Сибирь, нынешние россияне "убегают" на огороды, в семейную реципрокность, отказываясь принимать новые условия хозяйственной жизни.

Помимо склонности ценить религиозный обряд выше религиозной мысли Россия унаследовала от Византии и такую малопривлекательную черту, как цезарепапизм – подчинение духовной власти светской.

³¹ «В целом можно сказать, что православие призывает "молиться и трудиться", в то время как формула католицизма – "трудиться и молиться", а протестантизм убежден в том, что труд и есть молитва» (Коваль Т. *Этика труда православия // Общественные науки и современность*. 1994. № 6. С. 59). См. также: Тюгашев Е.А. Православное отношение к труду в зеркале нравственного богословия // *Человек. Труд. Занятость*. Вып. 2. Новосибирск, 1998. С. 40 – 50.

³² Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. С.118.

³³ Клопыжникова Н.М. Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе // Проблемы перехода России к рыночной экономике. Выпуск V. М.: МОНФ, 1996. С. 103-106.

³⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 81-88.

³⁵ Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // *Мир России*. Том VI. 1997, № 4. С. 61.

Если в Западной Европе римские папы на протяжении всей средневековой эпохи рассматривали свою власть как во многом конкурентную по отношению к власти королей и императоров, то в Византии базилиевсы с оппозицией патриархов почти не сталкивались. В России начиная с эпохи Петра I цезаризм православия дошел до такой степени, какая была немыслима даже в Византии: священники были обязаны доносить светским властям об исповедях своих прихожан; земли церкви были секуляризованы, а священнослужители превращены в государственных чиновников на жаловании, и это не вызвало среди них сколько-нибудь заметного протеста. В результате церковь превратилась из института, конкурентного по отношению к государству, в институт, целиком и полностью ему подчиненный. Естественно, что русский вариант православия неразрывно связан с *идеологией государственного патернализма*, когда авторитет церкви ставится на службу интересам государства. Характерно, что выработкой собственной социальной концепции (призванной помимо прочего выражать отношение православия к собственности, хозяйственной деятельности, богатству и т.д.) Русская Православная Церковь озаботилась буквально в последние месяцы XX века – до этого она более тысячи лет не чувствовала необходимости выражать свою особую позицию, довольствуясь одобрением существующей на данный момент государственной идеологии³⁶. В сущности, православная хозяйственная этика еще только формируется³⁷.

2.2.3 Сильное государство и "догоняющая модернизация"

Институциональные рамки хозяйственной деятельности в России в значительной степени задаются государством. Россия традиционно принадлежит к тем странам, которые больше ориентированы на государство, чем на гражданское общество. Идея сильной (вплоть до диктаторской) государственной власти в России имеет очень глубокие корни, связанные с российскими особенностями процессов политогенеза и модернизации.

С IX в., с самого начала формирования государственности, в России складывается и затем постоянно воспроизводится хозяйственная система, которую О.Э. Бессонова называет *"раздаточная экономика"*³⁸. Условиями ее существования являются унитарно-централизованная политическая система и приоритет коллективистских ценностей на уровне идеологии. Особая роль государства проистекала из существовавшей ранее необходимости коллективной защиты от внешних нападений, большими расстояниями и локальной разобщенностью русских земель, многовековым процессом их собирания. Это обусловило необходимость сильного (жесткого) государства, сильной армии, вмешательство государства во все сферы жизни общества. Оправданием такой экспансии являлось и ощущение геополитической ответственности России, ее расположение на пересечении "полей напряженности", а также тот факт, что долгое время Россия являлась "буфером" между относительно стабильной Западной Европой и завоевателями с Востока.

Другим важнейшим фактором, обусловившим примат роли государства в экономической жизни, были особенности процессов модернизации России. Российский вариант *"догоняющего развития"* был связан с *"революциями сверху"*, истоками которых была вынужденная необходимость (экономическая отсталость, военные поражения от западных стран). К наиболее острым проблемам модернизации страны, которая не производит собственных культурных образцов, а заимствует их у Запада, относятся "искусственный" характер самих модернизаций, несоответствие структурно-технологических инноваций существующим социально-экономическим институтам. Это объясняется проблемой конгруэнтности институтов стран – экспортеров и импортеров экономических, технологических и социальных инноваций. Изменение российских экономических, политических и социальных институтов носило дискретный характер, в значительной степени определялось прямым заимствованием норм, регулирующих взаимодействие экономических агентов, из социально-экономических систем, в которых индивиды обладают другим менталитетом, поведенческими установками. Подобные структурные несоответствия сильно искажают первоначальный замысел реформ, а культурные образцы всегда на шаг отстают от изменений в технологиях. Мобилизационное развитие, как назвал А.Г. Фонов такой тип социально-экономической эволюции³⁹, может путем огромных затрат ресурсов судорожными рывками временно сокращать разрыв между Россией и Западом, но затем он вновь и вновь восстанавливается и даже растет.

³⁶ С «Основами социальной концепции русской православной церкви», принятыми Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви 13-16 августа 2000 г., можно ознакомиться в Интернете на сервере «ГРАД БОЖИЙ: Социальное учение православной Церкви» по адресу: <http://civitasdei.boom.ru/doctrin0.htm>.

³⁷ Знакомство даже с русскоязычной литературой демонстрирует вопиющее противоречие между довольно большим массивом изданий, освещающих хозяйственную этику с позиций протестантизма и католицизма, и полным отсутствием трудов по хозяйственной этике православных мыслителей. См.: *Нейхауз Р.Д.* Бизнес и Евангелие. Вызов христианину-капиталисту. М.: ВЕРА И МЫСЛЬ, 1994; *Рих А.* Хозяйственная этика. М.: Посев, 1996; *Новак М.* Дух демократического капитализма. Минск, 1997. Единственное монографическое исследование, посвященное православной хозяйственной этике (*Жижек Е.В.* Россия и рынок: православная этика и дух капитализма. Красноярск, 1995), принадлежит светскому социологу.

³⁸ *Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России / Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999; *Она же.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, ИЭОПП, 1999. С точки зрения теории экономических систем «раздаточная экономика» есть понятие, синонимичное знаменитому «азиатскому способу производства».

³⁹ *Фонов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному // <http://science.csa.ru/info/fonotov.htm>.

Вестернизация России, начиная с Петра I, проводилась по инициативе верхов, поэтому обычно она оказывалась делом активного меньшинства (элиты), масса же народа чаще всего служила, по выражению А.И. Герцена, "мясом освобождения". Все модернизации инициировались его главным агентом – государством, проводились в форсированно-мобилизационном темпе, за счет и на основе архаических структур⁴⁰. Так, к началу XX века в России утверждается "небоскребный" капитализм⁴¹, развитие которого в основном шло "сверху", путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала и который поэтому лишь в малой степени выступал в своей классической форме – свободной конкуренции.

Следствием запаздывающих модернизаций являются радикальные общественные изменения, социальная цена которых достаточно высока. Поскольку реформы не вызревали в результате естественного развития социально-экономических институтов, а насаждались сверху, они долго оставались "насилием над массами". К жизни в режиме мобилизации, связанной с сельскохозяйственными циклами, и этике выживания русского крестьянства запаздывающие модернизации добавили и высокую степень нестабильности. Тяжелые модернизации заложили в психологию народа страх перед реформами, отношение к ним как к стихийному бедствию, недоверие к власти. Пассивное сопротивление реформам сбавляет темпы и даже качественно трансформирует их. Тем самым в них закладываются механизмы отставания, необходимость новой, и опять запаздывающей, модернизации⁴².

В условиях, когда завтрашний день непредсказуем и может нести как неожиданные взлеты, так и угрозы потерять все, "рациональной" формой поведения населения становится жизнь сегодняшним днем. Ограниченность возможности планирования своей жизни обуславливают примат краткосрочных целей в жизни, а будущее связано с мечтами о магическом скоробогастве, которые так явно прослеживаются в русских народных сказках и несбыточность которых лишает индивида стимулов к действию, поскольку "мечта о будущем" не есть "забота о будущем". В свое время А.И. Герцен писал: "Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество... на деле – боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой; наш чиновник ворует для того, чтобы покутить, купец мошенничает, чтоб сыну чин доставить, мужик работает, чтоб пьяну напиток. Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцем, он предмет насмешек и неприязни"⁴³. Мобилизационное сознание, выработанное в условиях экономической и политической нестабильности, ориентирует человека на потребление, а улучшение своей жизни он связывает с утопическим прыжком в лучшее будущее, радикальными общественными изменениями, везением, заботой государства. "Муравьиной хлопотливости" и многолетнему труду в этих мечтах нет места.

В подобных же (если еще не более сильных) условиях нестабильности существует элита. Эгоизм, гедонистическая идеология, демонстративное потребление, высокая степень неравенства – неотъемлемые черты общества неорганичной модернизации. В модернизирующемся "вдогонку" обществе элита отличается "синдромом временщика", нерациональным, негибким поведением. Характерной чертой "зависимой модернизации" является анклавное развитие – существование точечных "островков благополучия" на фоне всеобщей бедности, которые мало влияют на окружение. Характерно, что при искусственных модернизациях обычно выигрывает меньшинство.

"Раздаточный" характер российской экономики, в котором главным субъектом было сильное централизованное государство, обусловил специфику экономических отношений в стране. Аккумулируя материальные блага, институты раздач создавали материальные условия для жизнеобеспечения населения страны. Объектами раздач выступали земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты, чины и должности. Служебная организация труда была основой раздаточной экономики, то есть служебный труд был обязателен и обусловлен внешними по отношению к каждому субъекту условиями.

Таким образом, сильное государство, которое одновременно является субъектом насилия по отношению к индивиду, а с другой стороны, выступающее источником любого возможного блага, формировало тип личности, отчужденной от управления страной, но, с другой стороны, редко открыто противостоящей государственному насилию. Указанные особенности порождали особую этику неформальных отношений контроля и распределения ресурсов. Институты пожалований и жалоб обусловили приспособление к специфическим каналам получения материальных благ – не через независимость и свободную конкуренцию, а через лояльность к власти. Формировались персонифицированные "социально ориентированные" экономические стратегии, в отличие от "рыночноориентированных" на Западе. Отсюда – гипертрофия надежд "маленького человека" на верховную власть, оправдание ее вмешательства в жизнь общества, что нередко уравнивалось и с оправданием самоволия.

Российское общество и в наши дни по традиции остается незмансипированным от власти. Монархическая традиция, наивная русская вера в "доброе царя", ожидание Вождя, Хозяина, Лидера во многом преобла-

⁴⁰ Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998.

⁴¹ Государство и частное предпринимательство в условиях «догоняющего развития» (Круглый стол) // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 7.

⁴² Наумова Н.Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал, 1994. № 1.

⁴³ Цит. по: Ментальность россиян. С. 100.

дают в сознании народных масс вплоть до конца XX в. Точка опоры у россиян вынесена вовне, связана с верховной государственной властью. В России, в отличие от стран Запада, исторически сложился тип общественной системы, для которого характерны "перевернутые" отношения собственности и власти, в основе которого лежит эффективность власти, а не эффективность собственности⁴⁴.

2.2.4 *Ното soveticus и факторы его формирования*

Социалистическая революция 1917 года в России ознаменовала собой новый этап развития раздаточной экономики. Социалистический эксперимент оказался возможен (и жизнеспособен) в стране с давними традициями коммунальности, уравнительного распределения, доминирования политических задач над экономическими, внеэкономического принуждения со стороны государства, которому слабо развитое гражданское общество делегирует бремя ответственности за себя. Парадокс заключался в том, что советская система не противоречила народному желанию быть зависимыми от доброго и справедливого Царя, Отца, Хозяина. Место благодетеля теперь заняло Заботливое Государство. Тот факт, что коммунистическая система утвердилась и просуществовала семь десятилетий, свидетельствует о приемлемости для значительного количества россиян условий, обеспечивающих значительные социально-экономические гарантии в обмен на индивидуальную свободу. Родившись из традиций государственного патернализма, коллективизма и традиционализма, советский вариант социалистической идеологии стал мощным фактором их укрепления.

Подобно тому, как столетиями ранее все слои населения законодательно прикреплялись к земле, отныне все трудоспособное население было прикреплено к государственным предприятиям и организациям, вне которых оно просто не могло иметь законных средств к существованию. Новым в экономических отношениях стал запрет частной собственности на средства производства, всеобщее обязательное участие в производственной и управленческой деятельности на объектах единой государственной собственности. Институт раздачи теперь полностью охватывал сферу непродовольственного потребления. В условиях командной экономики господствует редистрибутивный принцип распределения продукции: причастность к власти означает и причастность к распределению. Главной формой социальной борьбы становится не борьба за собственность на факторы производства, а за доступ к ключевым рычагам распределения. Доход в таком обществе зависит, прежде всего, от статуса, чина и должности⁴⁵. Подобный принцип распределения в сочетании с немонетарным характером советской экономики привел к тому, что социально-классовое неравенство советского общества носило не трудоактивный, а статусный характер. Дифференциация заработков обуславливалась в основном народнохозяйственным значением отрасли или предприятия, в которых были заняты те или иные группы работников, их должностным или профессионально-квалификационным положением. Ценностная рациональность в советской экономике выражалась, в частности, в замене экономических стимулов политическими и моральными, основанными на патриотизме и социалистической сознательности трудящихся.

Парадигмой производственных отношений в СССР стал патернализм государства (предприятия) по отношению к своим гражданам (работникам), определяемый как система устойчивых самовоспроизводящихся отношений между работником и государством, когда в обмен на заданную работнику трудовую активность ему предоставляется возможность удовлетворения лимитированных жизнеобеспечивающих потребностей⁴⁶. Патернализм предполагает "благодетельный деспотизм" - вмешательство государства в процесс принятия решений, касающихся самого человека, причем делается это без согласия опекаемого, с целью содействия его интересам или благосостоянию. За покровительствующей стороной признается право применять санкции или поощрения с целью регулирования поведения зависимой стороны в различных сферах жизнедеятельности. Материальными предпосылками патерналистского менталитета является отсутствие ситуации выбора, социальными – ограниченность потребностей граждан⁴⁷.

Агентами осуществления политики государственного патернализма выступали местные власти, предприятия, профсоюзы, на которые был возложен груз социальных обязательств. За счет общественных фондов потребления они обеспечивали удовлетворение социальных нужд работников: предоставляли работу, жилье, места в детских садах и яслях, обучение и повышение квалификации, помогали в приобретении дефицитных товаров, организовывали летний отдых работников и их детей, заботились об их здоровье. Взамен предприятия (и государство в их лице) получали социально-экономически зависимую, а значит, дешевую и лояльную рабочую силу. Такая "феодалная" организация производственных отношений позволяла сочетать низкую технико-экономическую эффективность советских предприятий с их с высокой социально-экономической живучестью⁴⁸. Патерналистско-патриархальные отношения между народом и государством отражались и в газетном языке, начиная с 20-30-х годов: "родное советское правительство", "отеческая забота партии", "всесоюзный староста", "наш вождь и учитель".

⁴⁴ *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С.29.

⁴⁵ *Нуреев Р.М.* Курс микроэкономики: Учебник для вузов. М., 2000. С. 63.

⁴⁶ Социология труда в новых условиях: Межвузовский сборник статей. Самара: СамГУ, 1992. С. 12-13.

⁴⁷ *Латыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л.* Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996. С. 92-93.

⁴⁸ *Никулин А.М.* Указ. соч.

Помимо обретения трудящимися ощущения своей социальной защищенности (что, несомненно, является достижением социальной политики), происходило их *привыкание* к гарантированным материальным благам, застрахованности от крайней бедности независимо от экономической деятельности человека (количества и качества труда, квалификации, инициативности, предприимчивости), а на уровне массового сознания формировались и воспроизводились установки на социальное иждивенчество. Человек был редуцирован для обеспечения государственных нужд, но при этом власть рассматривалась им как инстанция заботы, хранитель и гарант социального порядка, источник любого возможного блага⁴⁹. Рабочая сила государственно-зависимого работника в СССР перестала являться его личной собственностью. Укреплявшаяся командно-административная система приобретала вид работодателя-благодетеля, с которым не просто непосильно, но и безнравственно говорить на языке взаимных обязательств. Отношения с государством выстраивались по оси "забота – благодарность".

Гипертрофированная роль государства в сознании людей вылилась в сохраняющееся до сих пор патерналистское восприятие государственной власти. В строго контролируемом распорядке жизни вырабатывался хорошо известный в психологии эффект "*диффузии ответственности*". Патернализм государства ослабляет необходимость в собственных усилиях для жизнеобеспечения, и люди отказываются принимать ответственные решения. С одной стороны, широкое распространение получает тенденция перекладывать ответственность, с другой – требовать от властей заботы, социальной защиты и других гарантий. Такой синдром обычно присущ детям, поэтому у взрослых его можно назвать "*пролонгированным инфантилизмом*".

Помимо того, что одним из последствий политики государственного патернализма стала экономическая неэффективность и иждивенческие установки работников, еще одной серьезной издержкой ее стало ограничение социальных прав и свободы граждан. Принципиальная черта работника времен административно-командной экономики - его несвобода, работа не на себя. Государство аккумулировало большую часть национального дохода, основные жизненные блага поступали в форме наделения, государственного благодеяния. Образно выражаясь, оно выступало в роли Великого Инквизитора⁵⁰, раздавая людям "хлебы, их же руками добытые", тем самым совершая в глазах большинства великое благодеяние. Ценность социальной защищенности, возведенная в абсолют, служила оправданием диктата государственной власти и тоталитарного контроля над личностью. Признание ценности государственного патернализма означало смирение людей с государственным насилием.

Отделенный от спроса и предложения псевдоэкономический институт перераспределительно-уравнивающего вознаграждения за труд в СССР, выражавшийся в политике ограничения доходов, существовании "потолка зарплаты", запрете на любые виды предпринимательской деятельности, запрещении частной собственности, ограничивал экономическую активность людей и превращался, по выражению П. Сорокина, в "раздачу премий посредственности"⁵¹. Институциональная ловушка уравнивающего вознаграждения за труд состояла в явном противоречии ценностей всеобщего равенства и экономической эффективности. В любом уравнивании (возможностей, доходов, прав) неизменно всегда больше заинтересован слабый, неспособный успешно конкурировать с другими в борьбе за ограниченные ресурсы общества. Неквалифицированный работник заинтересован в том, чтобы средства существования доставались ему совершенно независимо от конечных результатов деятельности, в порядке благотворительного возмещения затраченных физических сил⁵². Ценностно-рациональный выбор в пользу "социальной справедливости" по определению ущемлял права сильного. В первое же десятилетие существования Советской власти были истреблены "чуждые элементы", "эксплуататорский класс", то есть самостоятельные, предпринимательские слои населения, собственники. Политика форсированного строительства социализма опиралась на типичного бедняка, на маргинализированную за годы I Мировой войны, революции и гражданской войны массу. Фактически за счет общественных фондов потребления поощрялся непроизводительный, низкоквалифицированный труд. Тяжесть труда (а не его общественная полезность) выступала как составляющая "эквивалентности" обмена.

В обществе, где "мерилом работы считают усталость", невозможно было обеспечить эффективное распределение ресурсов. "Проблема безбилетника" благополучно перекочевала из крестьянской общины в советскую распределительную экономику. В свое время Андре Жид писал, что стахановское движение было необходимо в стране, где люди не приучены к труду. В противном случае, предоставленные самим себе, из десяти работников восемь будут бездельничать⁵³.

Таким образом, система государственного патернализма и неэкономических методов стимулирования соответствовала, прежде всего, интересам маломобильного, конформного работника с заниженными потребностями, простого исполнителя трудовых функций. Ее можно отнести к разряду традиционалистских, поскольку это была стабильная самовоспроизводящаяся система, значительное место в которой занимало следование традициям и ценностно-рациональное действие. Как и все традиционалистские системы, она была достаточно ри-

⁴⁹ Советский простой человек. С.62.

⁵⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С.235.

⁵¹ Сорокин П. Проблема социального равенства / Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Соколова. М.: ИПЛ, 1992. С.252.

⁵² Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права / Квинтэссенция: Философский альманах. М.: ИПЛ, 1990. С.183.

⁵³ Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // Социологические исследования, 1999. № 4. С. 13.

гидна для инноваций. Этими барьерами были как формальные правила, устанавливаемые государством, так и повседневные практики, являющиеся "ответами" на созданную систему. На поведенческом уровне приспособление к системе в сочетании с более давними традициями экономической культуры вылилось в массовые зависимые установки, минимизацию экономических усилий, ограничение потребностей до уровня "как у всех". Сформировался человек с крепостнической психологией, с установками не на саморазвитие, а на приспособление, ориентированный на государство при решении проблем жизнеобеспечения, отчужденный от самого себя и не верящий в свои способности и возможности к самостоятельной, независимой от государства деятельности, пассивный, не умеющий пользоваться собственными ресурсами⁵⁴.

2.2.5 "Прошлое толкует нас"

Итак, рассмотрение исторических аспектов формирования российской экономической ментальности позволяет увидеть комплекс факторов, которые действуют сонаправленно, закрепляя в качестве основополагающих такие ценности, как коллективизм, государственный патернализм и традиционализм (рис. 2.3, 2.4, 2.5, 2.6, 2.7).

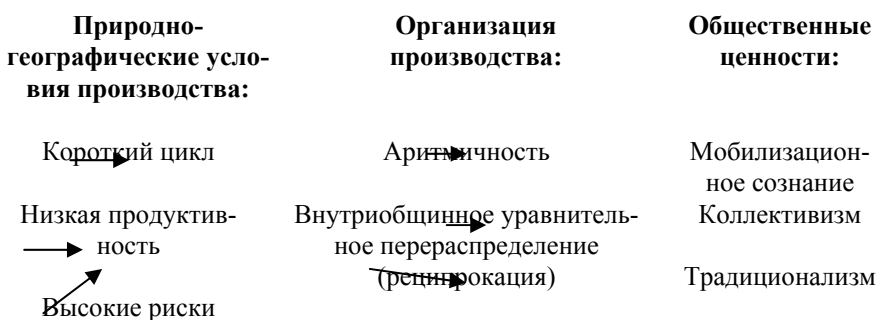


Рис. 2.3. Мобилизационно-коммунальная производственная среда как фактор формирования российской экономической ментальности

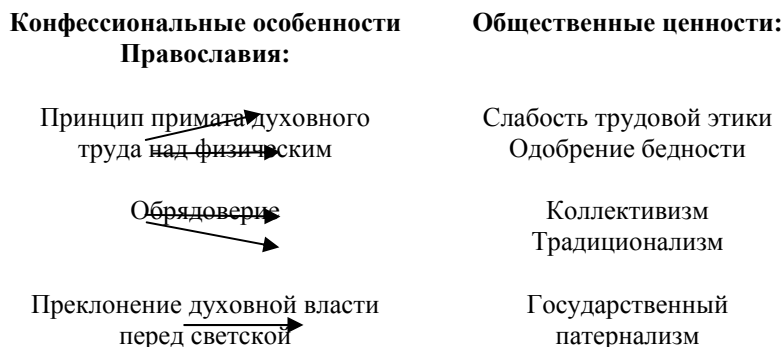
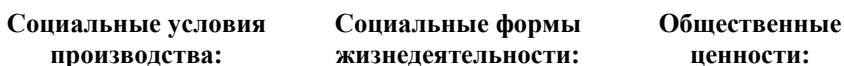


Рис. 2.4. Православная этика как фактор формирования российской экономической ментальности



⁵⁴ Тукумцев Б.Г. О новом типе работника, порожденном советской общественной системой / Социология труда в новых условиях: Межвузовский сборник статей. Самара: Самарский университет, 1993.С.97.

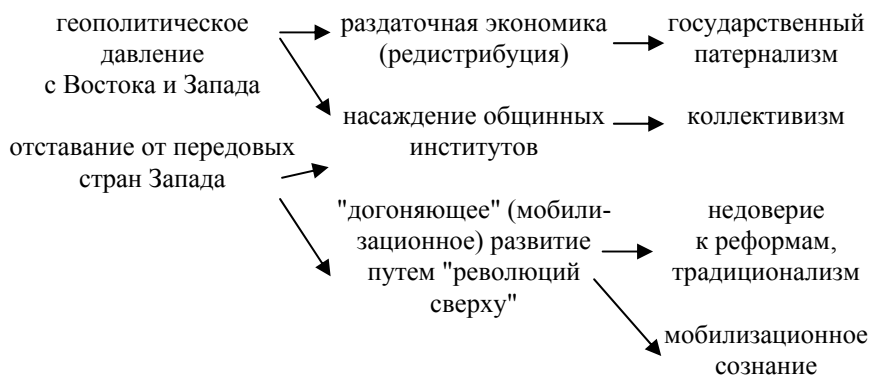


Рис. 2.5. Догоняющая модернизация как фактор формирования российской экономической ментальности

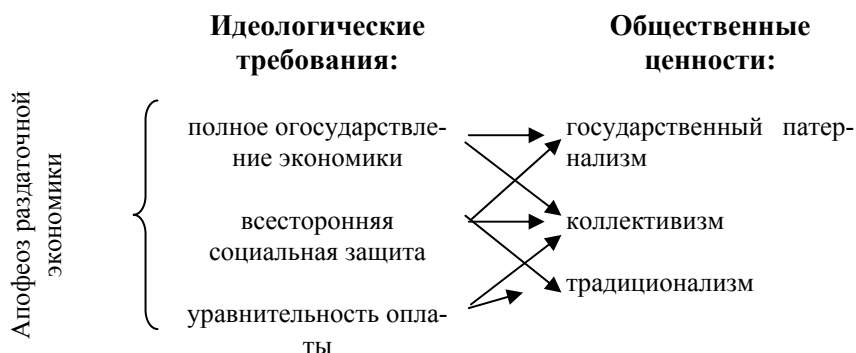


Рис. 2.6. Социалистическая идеология как фактор российской экономической ментальности

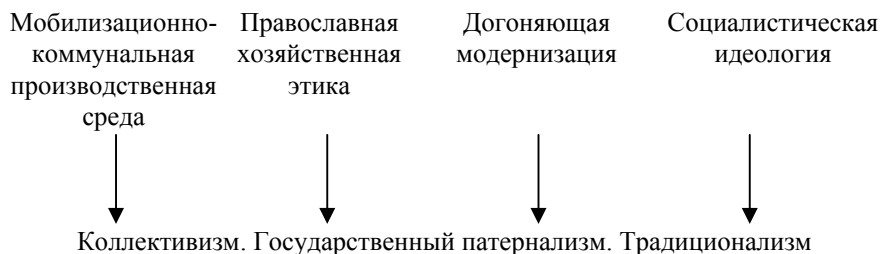


Рис. 2.7. Факторы и основные черты российской экономической ментальности

Хозяйственные ценности и нормы российской цивилизации создают принципиальные различия между российскими и западными социально-экономическими институтами. Если западные общества уже в доиндустриальную эпоху сформировались как система конкурирующих друг с другом относительно самостоятельных институтов, то в России все институты являются лишь частями единой нерасчлененной системы и не могут обособляться без угрозы кризиса российской цивилизации. Это приводит, в конечном счете, к объективному складыванию системы институтов, характерной для восточной институциональной матрицы⁵⁵.

Поскольку в России точка опоры вынесена вовне, связана не с гражданским обществом, а с верховной государственной властью, то в ней, в отличие от стран Запада, исторически сложился тип общественной системы, для которого характерны отношения власти-собственности, схожие с обществами "азиатского способа производства"⁵⁶. Важнейшей чертой российской экономической культуры была и все еще остается неприменимость западного принципа священности и неприкосновенности частной собственности.

Российской национальной традицией, переживавшей из дореволюционной России в советскую и далее – в квазирыночную, является слабая правовая защищенность субъектов экономической деятельности, со-

⁵⁵ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000; Она же. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*, 1999. № 6.

⁵⁶ Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система. В кн.: *Феномен восточного деспотизма*. М.: 1993. С. 62-87.

ставляющей частью которой является слабая защита прав собственности. Высокие издержки по спецификации и защите частных прав способствовали формированию и преобладанию в России институтов общественной, а не частной, собственности⁵⁷.

Сложность выбора пути реформирования российской экономики заключается в том, что, в то время как российская экономическая культура больше тяготеет к восточному типу, более привлекательным и престижным для России традиционно остается Запад, за основу реформирования в ходе российских модернизаций все время брались западные модели. То же самое происходит и сегодня.

Этот вывод, в свою очередь, позволяет утверждать, что в ближайшие годы российские экономические реформы неизбежно будут наталкиваться на "эффект постизма", "налог прошлого", "постсостояния"⁵⁸ в массовом сознании. Он заключается в резком противоборстве старого и нового, противоречии между радикальным отторжением старого ("дурное отрицание") и стремлением к максимальному его удержанию как чего-то стабильного, стойкой и привычной опоры. Это пример того, как "предыдущее тащит назад", когда прежние структуры и образы мышления стремятся обрести новую жизнь в новых структурах и новом мышлении.

Попытаемся теперь перейти от чисто качественных оценок специфики экономической ментальности россиян к оценкам количественным.

2.3 Социометрическая характеристика экономической ментальности россиян

2.3.1 Как измерить "душу России"?

Проблема выявления степени "близости-отдаленности" российской культуры от западной напряженно обсуждается лучшими умами России со времен Чаадаева, но особенно она обострилась в последнее десятилетие.

Радикальные экономические реформы начинались под лозунгами ликвидации "железного занавеса" во круг СССР, приобщения его к "общечеловеческим ценностям" (под которыми понимались, естественно, ценности западной цивилизации). С пылкостью неопитов "шокотерапевты" смело уверяли, что настала пора расстаться с мифом об особом пути России и радостно влиться в мировое сообщество. Когда в 1990-е гг. радикал-либералы в лице Е. Гайдара и его команды пришли к рулю власти, то они, естественно, попытались начать строительство в России смешанной экономики по американской модели - с низким уровнем социальной защиты, с высокой степенью свободы бизнеса. Действительность оказалась весьма удручающей. Попытка копировать чужой опыт показала, что легко заимствуются худшие черты (социальная незащищенность большинства при привилегиях для немногих "новых русских"), от которых и сами американцы были бы рады избавиться. Лучшие же черты чужого опыта (свобода индивидуального саморазвития, гражданское самоуправление, правовое общество, эффективная конкуренция) российской почвой упорно отторгаются. Поэтому объективная характеристика степени предрасположенности России к тем или иным программам модернизации превращается из чисто научной программы в насущно необходимое теоретическое обоснование "реформы курса реформ".

Развитие эмпирических исследований по российской ментальности органически связано, прежде всего, с классическими трудами Герта Хофстеда⁵⁹. В 1960-1970-х годах степень выраженности различных культурных характеристик была измерена этим голландским ученым в ставшем классическим исследовании, посвященном изучению различий национальных культур 40 стран современного мира⁶⁰. Позже список исследуемых стран был им расширен до 70, включив и Россию⁶¹. Будучи всеми признанной и классической, методология Г. Хофстеда постоянно привлекает к себе внимание со стороны ученых разных стран, использующих ее в качестве базовой для изучения ментальности граждан своей страны. По этому же пути пошел российский социолог А. Наумов, поставивший своей целью развитие взглядов и идей Г. Хофстеда, с одной стороны, и привлечение в качестве иллюстрации результатов конкретного эмпирического исследования, проведенного по методике Г. Хофстеда, - с другой⁶². В рамках программы GLOBE также оценивались те же признаки, что и в исследованиях Г. Хофстеда, хотя и по несколько иной методике.

⁵⁷ Курдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития.

⁵⁸ Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. L.: Chatto and Windus, 1990.

⁵⁹ Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related volues. Beverly Hills, L., 1980.

⁶⁰ В качестве метода изучения применялся анкетный опрос работников компании IBM в различных странах в 1967 – 1973 гг. (общее количество респондентов превышало 100 тыс. человек). Полученные в ходе опроса ответы были расположены на пятибалльной шкале и по ним делался расчет средней. На основе средней величины по каждому показателю вычислялся свой индекс: из средней величины вычиталась цифра 3, полученный результат умножался на 25 и к нему добавлялась цифра 50. Таким образом, индексу придавалось значение по шкале от 0 до 100 баллов. См.: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>.

⁶¹ Впрочем, данные по России не были получены Г. Хофстедом из стандартных вопросников, а рассчитаны по косвенным источникам типа данных национальной статистики, описания российских архетипов в литературе, результатов локальных исследований.

⁶² Наумов А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.

Помимо хофстедовских индексов существуют и иные методики количественного измерения параметров национальной ментальности, – например, по частоте проявлений определенных ценностных предпочтений в народном фольклоре, по силе предпочтений избирателей различным политическим партиям и т.д.

Рассмотрим, каковы результаты проводившихся в России социометрических исследований специфики национальной экономической ментальности.

2.3.2 От традиционной ориентации – к рыночной

Первая (и пока единственная) попытка каким-то образом непосредственно измерить тяготение России к традиционной или рыночной хозяйственной ментальности (в рамках изучения точки зрения на "правильное", нормативное поведение) была предпринята З.В. Сикевич в исследовании "Советский менталитет в русском сознании"⁶³. В качестве исходного материала использовались русские народные пословицы, сгруппированные попарно (так чтобы получалась номинальная шкала измерения признака) по нескольким ключевым направлениям: активность/пассивность, рачительность/надежда на удачу, "рыночное" поведение/традиционное поведение и некоторые другие. Остановимся на тех антиномиях, которые описывают установки, принципиально значимые для развития рыночного хозяйства (Табл. 2.1).

З.В. Сикевич приходит к выводу об отсутствии у русского респондента установок на рыночную экономическую ментальность, даже несмотря на ярко выраженную ориентацию на активность. На самом деле, как нетрудно самостоятельно убедиться по приведенным данным, ситуация обстоит абсолютно не так, как считает З. В. Сикевич. Преобладание активности и рачительности над пассивностью и надеждой на удачу явно говорит в пользу готовности россиян к вхождению в рынок. Что же касается мнимого преобладания традиционного поведения в противовес "рыночному", то следует обратить особое внимание на иллюстрирующие их пословицы. По какой-то причине З. В. Сикевич соотнесла "рыночное" поведение с тем, что у нас воспринимается как откровенная беспринципность, эгоизм и двурушничество (обратим внимание хотя бы на пословицу "не пойман – не вор"). Это отчасти соответствует стереотипу массового сознания, которому, однако, не должен следовать солидный исследователь. Естественно, что когда социолог закладывает в исследовательскую программу тождественность рыночных ценностей и аморализма, то полученный результат искажает реальную картину.

На наш взгляд, можно сделать вывод, что современная российская экономическая ментальность все же имеет определенную "рыночную предрасположенность". Ядро этой ментальности – активность и рачительность – достаточно благоприятная почва для дальнейшего продвижения к рынку. В то же время данные по соотношению "рыночного" поведения с традиционным поведением говорят о ярко выраженной специфике русской экономической ментальности, даже если мы соглашаемся признать ее в целом рыночной.

Проанализированные З.В. Сикевич ценности образуют, по нашему мнению, институциональное ядро, которое определяет, к какой социально-экономической системе (рыночной или нерыночной) предрасположено данное общество. Определив "рыночную предрасположенность" России, попробуем теперь выяснить, к какой именно модели рыночного хозяйства она тяготеет.

Рассмотрев факторы, сформировавшие российскую экономическую ментальность, мы сделали вывод, что ее основные черты – это коллективизм, государственный патернализм и традиционализм. Оценим теперь степень выраженности этих характеристик в сравнении с другими странами с рыночной системой хозяйства на основе данных Г. Хофстеда и его последователей. Видимо, для России будет наиболее органична модель рыночного хозяйства именно тех стран, чьи характеристики окажутся наиболее близкими к характеристикам российской ментальности.

Сравнение России с зарубежными странами облегчается тем, что экономические культуры, согласно Г. Хофстеду, сравниваются по трем очень удобным для нас параметрам (Табл. 2.2):

- а) "индивидуализм", т.е. параметр, обратный коллективизму;
- б) "дистанция по отношению к власти", т.е. степень выраженности авторитаризма – явления, очень близкого к государственному патернализму;
- в) "избегание неопределенности", т.е. параметр, очень близкий к понятию "традиционализм".

Таблица 2.1

Ценности "русской души" сквозь призму народного фольклора, по З.В. Сикевич

Ценности, способствующие развитию рыночного хозяйства		Ценности, препятствующие развитию рыночного хозяйства	
<i>Активность</i>	%	<i>Пассивность</i>	%
Богу молись, а своего ума держись.	83,5	Не нашим умом, а божьим судом.	16,2
До неба высоко, до царя далеко.	80,5	Бог милости, государь жалости.	19,5
	61,9	Бог милости, государь жалости.	38,1

⁶³ Исследование проводилось в 1995 г. и представляло собой опрос жителей четырех регионов России и Украины (квотная выборка). Респонденту предлагалось из каждой пары пословиц отметить ту, которая больше соответствует его жизненной позиции.

ко. Удача кляча, садись и скачи. На счастье надейся, а сам не плошай. Смирную собаку и кочет за- ключает.	61,9 60,4	стлив. Оттерпимся, до чего-нибудь дотерпимся. Что ни делается – все к луч- шему. Кто живет тихо – не увидит лиха.	38,1 39,6
В среднем	69,6	В среднем	30,3
Рачительность	%	Надежда на удачу	%
Пушинка к пушинке – выйдет перинка. Терпение и труд – все пере- трут.	70,0 79,8	Хоть на час – да вскачь. Живи, ни о чем не тужи, проживешь – авось еще на- живешь.	30,0 20,2
В среднем	74,9	В среднем	25,1
"Рыночное" поведение	%	Традиционное поведение	%
Дружба – дружбой, а денежки врозь. Где не жить, только б сыту быть. Тот мудрен, у кого карман яд- рен. Не пойман – не вор, а что взя- то, то и свято.	37,5 27,1 33,9 16,0	С миру по нитке – голому рубаха. С родной земли – умри, не сходи. От трудов праведных не на- живешь палат каменных. Заработанный ломоть лучше краденного каравая.	62,5 72,9 66,1 84,0
В среднем	28,6	В среднем	71,4
В среднем в итоге	55,7	В среднем в итоге	44,3

Составлено по: Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996. С. 100 – 105.

Таблица 2.2

Ценностные показатели по 40 странам, по Г. Хофстеду

Страны	Дистанция власти (PDI)	Избегание неопре- деленности (UAI)	Индивидуализм (IDV)
Австралия	36	51	90
Австрия	11	70	55
Аргентина	49	86	46
Бельгия	65	94	75
Бразилия	69	76	38
Великобритания	35	35	89
Венесуэла	81	76	12
Германия (ФРГ)	35	65	67
Греция	60	112	35
Гонконг	68	29	25
Дания	18	23	74
Израиль	13	81	54
Индия	77	40	48
Иран	58	59	41
Ирландия	28	35	70
Испания	57	86	51
Италия	50	75	76
Канада	39	48	80
Китай	63	86	23
Колумбия	67	80	13
Мексика	81	82	30
Нидерланды	38	53	80
Новая Зеландия	22	49	79
Норвегия	31	50	69
Пакистан	55	70	14
Перу	64	87	16
Португалия	63	104	27
Сингапур	74	8	20
США	40	46	91
Тайвань	58	69	17
Таиланд	64	64	20
Турция	66	85	37
Филиппины	94	44	32

Финляндия	33	59	63
Франция	68	86	71
Швеция	31	29	71
Швейцария	34	58	68
Югославия	76	88	27
Южная Африка	49	49	65
Япония	54	92	46

Источник: Hofstede G. Op. cit. P. 315.

2.3.3 Между коллективизмом и индивидуализмом

С давних пор дихотомия "коллективизм – индивидуализм" (соотношение роли индивида в противовес роли группы/коллектива) считается одной из главных характеристик хозяйственно-культурной вариативности. *Индивидуалистической* может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более важны, чем групповые, а связи между отдельными личностями не обременены сильными обязательствами действовать совместно. *Коллективистская* культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными, люди проявляют изначальную заинтересованность в крепко связанных и сплоченных группах. Еще мыслители XIX в. указывали, что для русской культуры типична приверженность к коллективизму, чем она коренным образом отличается от приверженных к индивидуализму культур Западной Европы и США. Насколько, однако, это априорное убеждение соответствует результатам практических социологических исследований?

Таблица 2.3

Оценки индекса российской культуры по степени развития индивидуализма, по методике Г. Хофстеда

Источники оценок	Индекс IDV
Согласно Г. Хофстеду	50
Согласно А. Наумову	41
Согласно проекту GLOBE	23 (34)

Составлено по: Hofstede G. Op. cit. P. 315; Наумов А. Ук. соч. С. 99.

В работах Г. Хофстеда интересующий нас показатель назван "IDV" (Individualism) – "самость", индивидуализм, противоположность высокой роли группы/коллектива. Чтобы использовать хофстедовскую методологию для понимания специфики российской ментальности, А. Наумовым в период с октября 1995 года по июнь 1996 года были опрошены граждане России с незаконченным и законченным высшим образованием из числа студентов и слушателей Школ бизнеса, преподавателей и специалистов, администраторов и бизнесменов⁶⁴. В целях проведения сравнительного анализа А. Наумов применил те же математические процедуры, что и у Г. Хофстеда, в результате чего получил показатели по шкале со столбальной разметкой (0 баллов – отсутствие признака, 100 баллов – максимальное проявление признака), аналогичной той, что использовалась в работах Г. Хофстеда.

Обобщенная информация о конкретных результатах социологических исследований Г. Хофстеда и А. Наумова показана в таблице оценок индекса российской национальной культуры по показателю IDV (Табл. 2.3).

Показатель "индивидуализм – коллективизм" фигурирует также и в материалах проекта GLOBE. В ходе обследования, проведенного в 1995 – 1996 гг., были получены результаты и по России⁶⁵, сравнимые с данными по другим 52 странам⁶⁶ (Табл. 2.4). Под выражением "организация "как должно быть"" подразумеваются представления менеджеров об идеальном состоянии; эти представления сравниваются с реальным положением дел – с "организацией "как есть"".

Таблица 2.4

Результаты исследований GLOBE по России: рейтинг по индивидуализму

Ранг России: организация	Ранг России: общество	Страны с близкими к России показателями
--------------------------	-----------------------	---

⁶⁴ По мнению А. Наумова, эта выборка соответствует контингенту респондентов Г. Хофстеда. На наш взгляд, такой отбор респондентов трудно назвать вполне репрезентативным – вряд ли ментальность учеников Школы бизнеса вполне типична для образа мыслей граждан России. Видимо, именно этим и объясняется разница, иногда очень существенная, между показателями самого Г. Хофстеда и А. Наумова.

⁶⁵ Опросу подверглось 450 менеджеров из трех различных сфер деятельности (соответственно по 150 анкет).

⁶⁶ В публикации М. Грачева, к сожалению, не указывается полного списка стран и не дается точных количественных показателей по каждой стране в отдельности, показаны лишь группы стран с близкими к России показателями.

"как есть"	"как должно быть"	
41	35	Гватемала, <u>Сингапур</u> ⁶⁷ , Египет, Индонезия, <u>Тайланд</u> , <u>Мексика</u>

Составлено по: *Грачев М.* Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2. С. 30.

Приведение данных к сопоставимому виду⁶⁸ говорит о том, что Россия – это страна с явно выраженным коллективистским уклоном: ее индекс индивидуализма составляет 23 для реальной ситуации и 34 для желаемой (Табл. 2.3). Показатель самого Г. Хофстеда представляется в этом свете неоправданно завышенным, что, по всей видимости, является результатом его работы со вторичным материалом.

Таблица 2.5

Характеристики культуры в зависимости от соотношения индивидуализма и коллективизма, по Г. Хофстеду

Показатели	Индивидуализм	Коллективизм
Самоидентификация	Осознание себя как "Я"	Осознание себя как "Мы"
Цели	Защита частных интересов	Поддержание отношений, норм
Субъекты деятельности	Обязанности возлагаются на отдельных индивидов	Обязанности возлагаются на группу в целом
Моральные ограничители	Страх потери самоуважения, чувство вины	Страх потери "лица", чувство стыда

Составлено по: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>.

Эти количественные оценки можно дополнить данной самим Г. Хофстедом качественной интерпретацией, которая дает представление о крайних, критических уровнях использованной шкалы, которые являются "идеальными типами" (Табл. 2.5). Поскольку Россия сильно тяготеет, как можно считать доказанным, к коллективистским ценностям, для ее хозяйственной культуры будут характерны преимущественно именно те признаки, что перечислены в третьей колонке данной таблицы.

Между свободой и авторитаризмом. Другой важный показатель различия между культурами – дистанция по отношению к власти. В культурах с *большой дистанцией по отношению к власти* сама власть рассматривается как наиболее важная часть жизни. Акцент делается на принудительную власть, а подчиненные и руководители находятся на двух разных ее полюсах, что воспринимается как естественный порядок вещей. Для культур с *низкой дистанцией по отношению к власти* характерно мнение, что только легитимная власть подлинна. Основная определяющая самой власти – это ее компетентность, следовательно, и отношения между членами сообщества строятся на уважении к личности и равенстве, а неравенство в отношениях "начальник – подчиненный" не будет одобряться. Компонентами, определяющими тяготение страны в ту или иную крайность, могут быть географические условия, "толщина" среднего слоя, уровень образования и степень технологического развития. Учитывая совокупность этих факторов, чисто умозрительно можно предположить, что Россия тяготеет к культурам с высоким типом дистанции по отношению к власти. Проверим это предварительное соображение с цифрами в руках.

Таблица 2.6

⁶⁷ В таблицах по материалам проекта GLOBE подчеркнуты те страны, данные по которым мы можем найти также и в исследовании Г. Хофстеда.

⁶⁸ Ориентируясь на всемирно признанное исследование Г. Хофстеда, произведем некоторые элементарные математические процедуры с показателями, данными в исследовании GLOBE, для получения числовых показателей, аналогичных тем, которые использовал голландский этносоциолог. Для сопоставления данных необходимо 53-балльную шкалу GLOBE (причем 1 место в рейтинге исследования GLOBE за 1 балл показателя) перевести в 100-балльную (Г. Хофстед использовал 100-балльную шкалу, а в исследовании GLOBE были изучены 53 страны (включая Россию)). Для этого показатели по проекту GLOBE умножаются на 100, а потом делятся на 53, то есть $41 (35) \times 100 : 53 = 77 (66)$. При сравнении количественного показателя представленного здесь признака необходимо обратить внимание на тот факт, что максимальная выраженность признака по Хофстеду – Наумову свидетельствует об индивидуализме, в то время как в проекте GLOBE – о коллективизме. С учетом этого необходимо поменять полярность шкалы в проекте GLOBE, то есть из максимально возможного признака (то есть теперь 100) вычесть его реальный показатель. Получаем $100 - 77 (66) = 23 (34)$. Обратим внимание на то, что, согласно исследованию GLOBE, Гватемала, Сингапур, Египет, Индонезия, Тайланд и Мексика имеют близкий к России показатель, то есть в индексах Г. Хофстеда что-то около 23. Это практически полное совпадение может служить доказательством самой принципиальной возможности сравнения показателей по России, полученных при помощи разных методик.

Оценки индекса российской культуры по степени дистанции по отношению к власти, по методике Г. Хофстеда

Источники оценок	Индекс PDI
Согласно Г. Хофстеду	90
Согласно А. Наумову	40
Согласно проекту GLOBE	77 (36)

Составлено по: *Hofstede G.* Op. cit. P. 315; *Наумов А.* Ук. соч. С. 99.

Дистанция по отношению к власти как показатель национальной культуры охарактеризован Г. Хофстедом следующим образом: "PDI" (Power Distance) – это отношение к авторитету (авторитаризм), властная дистанция или степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества, института или организации в стране ожидают и допускают неравномерность распределения власти⁶⁹. Конкретные результаты социологических исследований Г. Хофстеда и А. Наумова показаны в таблице оценок индекса российской культуры по показателю PDI (Табл. 2.6).

Мимо этого показателя не прошло и международное исследование GLOBE, в котором ранг России по этому показателю оценен как близкий к уровню "продвинутых" развивающихся стран типа Индии или Турции (Табл. 2.7).

Таблица 2.7

Результаты GLOBE по России: рейтинг по дистанции власти

Ранг России: организация "как есть"	Ранг России: общество "как должно быть"	Страны с близкими к России показателями
41	19	<u>Индия</u> , <u>Испания</u> , Германия (бывш. ГДР), Венгрия, <u>Колумбия</u> , <u>Турция</u>

Составлено по: *Грачев М.* Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2. С. 30.

Если перевести показатель GLOBE в шкалу Г. Хофстеда, то Россия относится к когорте стран с высокой фактической дистанцией власти – ее реальный индекс равен 77, хотя желаемый – всего 36⁷⁰ (Табл. 2.6). Отметим, что показатель самого Г. Хофстеда в сравнении с показателем GLOBE опять несколько завышен, в то время как показатель А. Наумова существенно занижен (он близок к оценке не реальной, а желаемой ситуации). Согласно А. Наумову, Россия тяготеет скорее к малой дистанции по отношению к власти. Объяснение этому отклонению можно дать, обратив внимание на статус респондентов А. Наумова, – опрос велся среди представителей управленческого звена или будущих потенциальных руководителей (вряд ли возможно предположить, что в среду слушателей Школы бизнеса мог затесаться рядовой подчиненный или стремящийся им быть).

Качественная оценка влияния различных типов дистанций власти на хозяйственное поведение дана Г. Хофстедом следующим образом (Табл. 2.8). Нетрудно заметить, что положение дел в России едва ли не всегда и при любых политических режимах отлично подходит под характеристики именно из последней колонки.

Таблица 2.8

Характеристики культуры в зависимости от величины дистанции по отношению к власти, по Г. Хофстеду

Показатели	Малая дистанция по отношению к власти	Большая дистанция по отношению к власти
Отношения зависимости	Низкая потребность в зависимости	Высокая потребность в зависимости
Отношение к неравенству	Избегание неравенства	Неравенство признается нормой
Иерархичность	Иерархия только там, где это удобно	Иерархия как образ жизни
Отношения между	Начальники обычно дос-	Начальники часто недос-

⁶⁹ Г. Хофстед, а вслед за ним и А. Наумов определяют этот показатель по реакции подчиненных, полагая ее более соответствующей разнице в дистанции по отношению к власти, чем реакция руководителей.

⁷⁰ Перевод количественного показателя по исследованию GLOBE в шкалу Г. Хофстеда упрощается благодаря однонаправленности шкал, применяемых в обоих исследованиях. Таким образом – $41(19) \times 100 : 53 = 77(36)$. Обратим внимание на то, что Индия у Г. Хофстеда имеет точно такой же индекс (77), а Колумбия и Турция близки к нему, чего, правда, не скажешь об Испании.

начальниками и подчиненными	тупны	тупны
Социальные изменения	Эволюционные	Революционные

Составлено по: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>.

Между стабильностью и риском. Еще одно важное измерение хозяйственной культуры, привлекшее внимание этносоциологов, связано с тем, насколько люди допускают в своей жизни наличие неопределенности или, по другому говоря, оказывают предпочтение структурированным ситуациям (наличие ясных и четких правил поведения, которые могут быть формализованными, а могут поддерживаться традициями) в противоположность неструктурированным. Так как чувство предпочтения неопределенности не является исключительно личной характеристикой человека, а разделяется в той или иной мере всеми членами данного сообщества, то это и позволяет разделять культуры по степени нетерпимости к (или избегания) неопределенности. Представители культур с *высоким уровнем избегания* неопределенности ориентируются на четкие правила или инструкции, отличаются потребностью к формализованным указаниям и нормам поведения, высоким уровнем тревожности, лихорадочностью в работе или "авральностью", склонностью к внутригрупповому согласию, а также низкой толерантностью к людям или группам с отличающимися идеями или поведением. Эти культуры больше сопротивляются любым изменениям и мало склонны к риску в какой бы то ни было форме. В культурах с *низким уровнем избегания* неопределенности принято толерантное отношение к двусмысленностям и неопределенности, субъекты в сложных ситуациях импровизируют или проявляют инициативу, в целом ведут себя и работают более спокойно и систематично, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску.

В методике Г. Хофстеда этот параметр назван "UAI" (Uncertainty Avoidance) – избегание неопределенности или степень, с которой представители данной культуры воспринимают и реагируют на угрозу от неопределенных и незнакомых ситуаций. Формирование этой ценностной нормы уходит своими корнями, как полагал Г. Хофстед, во времена Римской империи, основанной на законе (нормах), и Китайской империи, базирующейся на общих выработанных культурой принципах (правилах). Уже в этих раннеклассовых цивилизациях довольно четко прослеживается противоположность между "духом Востока", с его приверженностью к стабильности и традициям, и "духом Запада", готового "все потерять, и вновь начать сначала, не пожалев того, что приобрел". Российская культура, оцененная по хофстедовой методике (Табл. 2.9), демонстрирует сильное тяготение именно к "духу Востока".

Таблица 2.9

Оценки индекса российской культуры по степени избегания неопределенности, по методике Г. Хофстеда

Источники оценок	Индекс UAI
Согласно Г. Хофстеду	90
Согласно А. Наумову	68
Согласно проекту GLOBE	98 (28)

Составлено по: Hofstede G. Op. cit. P. 315; Наумов А. Ук. соч. С. 99.

Для сравнения обратимся к данным GLOBE (Табл. 2.10). Перевод шкалы GLOBE в шкалу Г. Хофстеда дает ранг 98 для реального положения дел и 28 для желаемого⁷¹. Следовательно, и по этой оценке Россия относится к странам, для которых регламентация и предписанные правила значат практически все – не зря же говорится, что инициатива в России наказуема.

Таблица 2.10

Результаты GLOBE по России: рейтинг по избеганию неопределенности

Ранг России: организация "как есть"	Ранг России: общество "как должно быть"	Страны с близкими к России показателями
1	38	Венгрия, Гватемала, Боливия, Греция, Венесуэла, Грузия

Составлено по: Грачев М. Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2. С. 30.

⁷¹ Переведа шкалу GLOBE в 100-балльную, получаем следующие числовые показатели: $1 (38) \times 100 : 53 = 1,9 (72)$, а с учетом разнонаправленности шкал – 98 (28). Близкий показатель мы видим как у Греции, так и у Венесуэлы. Полученный нами показатель почти соответствует тому, который был вычислен Г. Хофстедом, а показатель А. Наумова опять оказался существенно ниже.

Крайние положения по шкале избегания неопределенности могут быть качественно интерпретированы, по мнению Г. Хофстеда, так, как показано в таблице (Табл. 2.11). Здравый смысл и житейский опыт подсказывают, что для России, действительно, типичны именно те признаки, которые перечислены в последней колонке.

Таблица 2.11

**Характеристики культуры
в зависимости от степени избегания неопределенности, по Г. Хофстеду**

Показатели	Слабое избегание неопределенности	Сильное избегание неопределенности
Отношение к работе	Внутренняя потребность работать усердно, трудоголизм	Работа до изнеможения не приветствуется
Отношение к конфликтам	Конфликты и соревнования рассматриваются как "игра по правилам"	Конфликты рассматриваются как угроза стабильным отношениям
Отношение к разногласиям	Принятие разногласий как нормы	Потребность в консенсусе
Отношение к риску	Готовность рисковать	Стремление уклоняться от неудач
Формализованность отношений	Стремление к небольшому количеству обязательных правил	Потребность в деталях законах и правилах

Составлено по: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>.

2.4 Россия – Евразия или "Азиопа"?

Попытаемся теперь в заключение дать ответ на поставленный ранее вопрос, к какой именно модели рыночного хозяйства предрасположена наша страна в силу особенностей своей экономической ментальности. Для ответа на этот вопрос охарактеризуем сначала спектр этих моделей.

2.4.1 Типология моделей экономики как проекция типологии хозяйственных культур

В мире нет двух стран, экономика которых была бы полностью похожа друг на друга. Однако все же можно выделить определенные региональные группы стран, чьи хозяйственные системы при всех их индивидуальных различиях все же типологически однородны. Если национальная модель экономики формируется под влиянием национальной хозяйственной ментальности, то региональные модели отражают определенные "суперэтнические" особенности хозяйственных культур.

Изучение взаимовлияния экономики и культурных традиций, как известно, берет начало с работ великого немецкого социолога М. Вебера, исследовавшего в начале XX в. влияние изменений в религиозном мировоззрении на генезис капиталистического предпринимательства. Именно с его легкой руки сформировалась традиция анализировать экономическую культуру сквозь призму национально-религиозных традиций. Соответственно, основные типы региональных хозяйственных культур считаются совпадающими с главными религиозными конфессиями: выделяют протестантскую экономическую этику, католическую, православную, исламскую, индо-буддийскую и конфуцианскую.

Общепризнанно, что эти хозяйственные культуры, формирующие национальные типы экономической ментальности, оказывают очень разное влияние на процессы рыночной модернизации – одни ее ускоряют, а другие тормозят. Мы уже указывали, что даже внутри христианства четко прослеживается определенная иерархия: если протестантизм наиболее благоприятен для развития капиталистических отношений, то католицизм умеряет их крайности, а православие, наоборот, препятствует их развитию.

Конфуцианская экономическая культура стала первой (и пока единственной) реальной альтернативой хозяйственной культуре "западного" капитализма. Конфуцианство – это мировоззрение, строго подчиняющее личность интересам коллектива (государства, общины, клана, семьи), проповедующее отказ от личного в пользу общественного. Следовать указаниям старших, ведущих тебя по правильному пути; постоянно совершенствоваться; чтить высокую мораль, ставя ее выше низменной материальной выгоды, — таковы заповеди конфуцианского образа жизни. Конфуцианство было отличным фундаментом для доиндустриальной командной экономики (азиатского способа производства), но парадоксальным образом оно отлично подошло и для современного общества, переживающего научно-техническую революцию. Санкционируемые конфуцианской (корпоративной) этикой высокая трудовая дисциплина и слаженный коллективный труд стали в странах Дальнего Востока основой постиндустриальной экономики, которая требует не столько выдающихся "звезд", сколько спаянных "коллективных работников". В наши дни "свет с Востока" становится ориентиром развития и для западно-

го предпринимательства, пытающегося отказаться от крайностей индивидуализма, развивая корпоративную этику.

Среди исламских и индо-буддистских стран пока нет выдающихся примеров успешного самобытного экономического развития (за исключением, может быть, Турции). Одной из причин этого являются именно особенности хозяйственной культуры — и в исламской, и в индо-буддистской культурах индивид совершенно растворен в коллективе, а индивидуальная энергия, инициатива, упорство в достижении цели и вообще интерес к мирским благам отнюдь не одобряются (хрестоматийный восточный фатализм).

Таким образом, с экономической точки зрения наиболее "жизнеспособными" экономическими культурами являются в настоящее время протестантская (американская), католико-протестантская (западноевропейская) и конфуцианская (дальневосточная).

Поскольку существуют три ведущих типа экономической культуры, которые удачно сочетаются с рыночным механизмом, постольку эффективные национальные модели рыночного хозяйства группируются в три основные региональные разновидности:

1) *англо-саксонская либеральная модель* ("протестантский капитализм" - США, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия), для которой характерна тенденция минимизации государственного регулирования, основанного в основном на правовом регулировании хозяйственной жизни;

2) *западноевропейская (континентальная) социал-демократическая модель* ("католико-протестантский капитализм" - Франция, Скандинавские страны, Германия и большинство прочих стран Западной Европы), предполагающая "сильное" государство, активно участвующее в хозяйственной жизни, причем главное внимание уделяется социальной политике;

3) *дальневосточная патриархально-корпоративная модель* ("конфуцианский капитализм" - Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай), когда "сильное" государство активно регулирует и направляет хозяйственную жизнь страны, занимаясь преимущественно стратегией экономического роста.

Именно из этих трех основных типов современные россияне и должны выбирать, "делать жизнь с ко-го". Однако этот выбор отнюдь не абсолютно свободен: характеристики отечественной экономической ментальности предопределяют притяжение к одним региональным моделям и отталкивание от других.

2.4.2 *Путь России – путь на Восток!*

Построим, используя данные Г. Хофстеда (*Табл. 2.2*), "карту" вариативности основных ценностных показателей разных стран мира и укажем на ней место России. Эта "карта" покажет нам, чей опыт хозяйственного развития будет для России самым полезным: наиболее подходящим для нее будет опыт тех стран, которые наиболее близки к ней по своей хозяйственной культуре.

Эту "карту" можно сделать трехмерной, откладывая на осях координат ранги стран по степени индивидуализма (IDV), дистанции власти (PDI) и избегания неопределенности (UAI)⁷². На графиках даны три двумерные проекции этой "карты", показывающие корреляции между IDV и UAI (*рис. 2.8*), между PDI и UAI (*рис. 2.9*), а также между IDV и PDI (*рис. 2.10*).

На всех трех графиках хорошо прослеживается группировка стран в два крупных блока, два "материки":

- 1) страны первого эшелона развития капитализма (развитые страны европейской цивилизации) – для их хозяйственной культуры характерны сильный индивидуализм (ранги порядка 60 – 90), низкая дистанция власти (ранги порядка 20 – 40) и высокая готовность к риску (ранги избегания неопределенности порядка 30 – 60);
- 2) страны второго эшелона развития капитализма (Япония, НИС Азии и Латинской Америки, некоторые слаборазвитые страны Европы) – регионы с доминированием слабого индивидуализма (ранги порядка 10 – 50), высокой дистанцией власти (ранги порядка 50 – 80) и избеганием неопределенности (ранги порядка 65 – 90).

К какому же "материку" наиболее близка на этой "карте" наша страна?

⁷² Следует оговорить один существенный недостаток этого социометрического исследования: в то время как данные Г. Хофстеда по зарубежным странам характеризуют ситуацию 1970-х гг., данные по России относятся к 1990-м гг. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить сравнительных социометрических данных по экономической культуре, которые бы включали Россию и относились к одному и тому же моменту времени.

власти (PDI) в различных национальных культурах

Прямая показывает прямую зависимость между индексами дистанции по отношению к власти и избегания неопределенности.

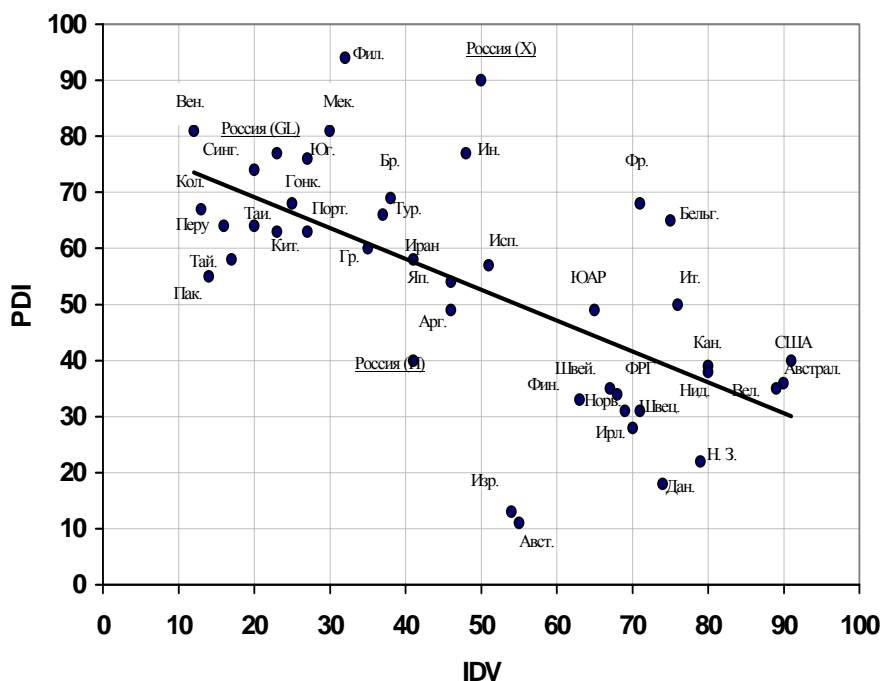


Рис. 2.10. Корреляции между рангами дистанции по отношению к власти (PDI) и индивидуализмом (IDV) в различных национальных культурах

Прямая показывает обратную зависимость между индексами индивидуализма и дистанции по отношению к власти.

На всех трех графиках четко видно, что ценностные предпочтения россиян довольно далеки от ментальности европейцев, зато очень близки к ценностным предпочтениям людей стран Азии и Латинской Америки⁷³. Принадлежность России к не-Европе лучше прослеживается, если пользоваться оценками Г. Хофстеда и GLOBE. Что касается оценок А. Наумова, то они существенно "сдвинуты" в сторону ментальности европейского типа, – похоже, респондентам из Школ бизнеса уж-ж-жасно хотелось казаться "цивилизованными" европейцами. Однако, как видно по графикам, даже им не удастся оторваться от своих культурных корней: их ментальность оказывается уже не "восточной", но и еще не западной.

Следует сделать вывод, что хозяйственная культура россиян допускает освоение ими рыночного хозяйства, но только не в классической, "западной", а в периферийной, "восточной", модификации. Россия – скорее "Азиопа", чем Евразия. Соответственно особенностям экономической ментальности ее граждан, России нужно ориентироваться на модель не "протестантского", а "конфуцианского капитализма". Если, по О. Шпенглеру, Запад находится в состоянии "заката", то Восток, очевидно, переживает "восход". Именно туда и должна стремиться Россия в XXI веке.

* * *

В последующих главах мы подробно рассмотрим, как особенности экономической ментальности россиян, вкпе с современными изменениями в институционально-правовом пространстве и условиях жизнедеятельности массовых субъектов микроуровня, сказываются на доминирующих способах и нормах экономического поведения, а следовательно, и на особенностях и перспективах институциональных перемен в России.

Но прежде чем переходить к характеристике отдельных направлений хозяйственной деятельности, попытаемся бросить "взгляд с высоты" и указать то место, которое занимают индивиды и домохозяйства в новом институциональном пространстве в постсоветской России.

⁷³ Схожие черты характерны, видимо, и для народов большинства других постсоветских государств. Исследование по методике Г. Хофстеда, проведенное в 1999 г. на Украине под руководством И.В. Агеевой, дало показатели, довольно близкие к российским: индекс индивидуализма – 53, дистанции по отношению к власти – 70, избегания неопределенности – 63. См.: http://www.stcu.kiev.ua/tr_kiev_2/cd-web/materials/ageeva/index.htm.